

Эмма Выгодская

Алжирский пленник

(Необыкновенные приключения испанского солдата Сервантеса, автора «Дон-Кихота»)

Глава первая

Бродячие

Ещё с вечера заметил странный проехал улицами и

на постоялом дворе, а прямо на пустыре, за церковью. Полотняный навес был натянут на возке, как на цыганской телеге, но возница не походил на цыгана, и из-под сиденья не виднелось тюков товара.

«Не цыгане и не торговцы, — подумал Мигель. — Кто же?»

Весь вечер он вертелся на пустыре, а когда стало совсем темно и у странных гостей засветилась свеча, Мигель не утерпел и подошёл поближе.

актёры

Мигель
возок. Возок
боковыми
остановился не

Под навесом незнакомые люди вынимали из большого мешка пёстрые куртки и золочёные палки, примеряли маски и подклеивали пучки овечьей шерсти к фальшивой бороде.

«Бродячие актёры!» — догадался Мигель.

Наутро актёр в полосатой фуфайке пошёл с барабаном по улицам.

Из домов, мастерских и церквей сбегался народ.

— Актёры! Бродячие актёры! Лопе де Руэда приехал!

Все спешили на просторную рыночную площадь, где на сдвинутых четырёхугольником скамейках уже набивали помост для сцены.

Ровно в полдень актёры отдёрали старое одеяло, натянутое на верёвке, собрали деньги, по кварте с человека, и представление началось.

— Добрые христиане! — Сам Лопе, без бороды и грима, вышел на сцену. — Добрые христиане славного города Алькала! Если вы хотите увидеть настоящего бискайца, вам не нужно покупать мулов, служить мессу и пускаться в далёкий путь. Вот он сам, только что приехавший из Бискайи!

Толстый бискаец в красных штанах и широкой жёлтой куртке с огромными пуговицами, выпячивая живот, прошёлся по сцене.

За бискайцем вышел севильский плут. Плут украл у простака из заднего кармана серебряную цепь и эту же самую цепь, отчаянно торгуясь, продал ему за пятьдесят реалов.

Они ушли, и на сцену вкатили бочку. Из бочки вылез дьявол с длинным красным языком и приставными когтями. Дьявол искушал монаха. Потом оба спустились в преисподнюю по толстой верёвке. Под сценою гремели камни на железном листе, а сверху громко каркала ворона.

Потом занавес задёрали. Старый кастильский крестьянин с длинной бородой, в белой куртке с цветной оторочкой появился перед занавесом. За крестьянином бежала жена — переодетый актёр в широкой женской юбке.

— Старый дурак! — басом кричала жена. — Разве можно спрашивать за оливки такую дешёвую цену?..

— погоди, жена, погоди! — отступал крестьянин. — Дай раньше оливки на рынок отвезти...

— Два реала! — кричала жена. — Разве это цена? Ты нас разоришь, Торувио!..

— погоди, жена, дай их раньше собрать, оливки...

— По четыре надо брать, по четыре!..

— Молчи, Агеда, дай раньше посадить оливки, а там поговорим о цене...

— Bravo! — зашумели зрители. — Bravo! Bravo!..

Крестьянин в куртке раскланялся и снял длинную бороду. Все увидели смуглое немолодое лицо и голый подбородок актёра.

— Да это Лопе!.. Bravo, Лопе, bravo!..

Орехи, цветы, апельсины полетели в актёра. Толпа хлопала и шумела.

Лопе де Руэда! Это он, Лопе, золотых дел мастер из Севильи, который бросил своё ремесло, чтобы сочинять комедии и интермедии и веселить народ на улицах и площадях. Bravo, Лопе, bravo!

Два дня, пока давались представления, пропадали Мигель на рыночной площади. На третий день он пошёл к актёрскому привалу, на пустырь.

Актёры уже собирались в путь. Два шута, Бенито и Пабло, уминали ногами в мешок несложные костюмы труппы. Третий взобрался на самый верх телеги и,

скрестив ноги, обгладывал уже довольно чисто объеденную кость от бараньей ноги.

— Можно ли видеть дона Лопе? — спросил Мигель.

— А зачем тебе?

— Хочу просить, чтобы он взял меня в труппу, — смело сказал Мигель.

Бенито внимательно оглядел Мигеля и улыбнулся.

— Хозяин, к нам тут какой-то молодой идальго¹ просится! — крикнул Бенито.

Лопе де Руэда стоял пригнувшись у костра. Он обернулся, и Мигель в первый раз увидел близко его лицо.

Без грима и фальшивой бороды актёр казался старше и серьезней. Мелкие морщинки бежали от его глаз к вискам и смешно собирались над переносицей.

— Ты хочешь поступить к нам в труппу? — строго спросил Лопе. — А что ты умеешь?

— Всё, что окажется нужным.

— Хорошо, прочти мне что-нибудь.

Мигель знал много отрывков из интермедий наизусть. Но сейчас от волнения он ничего не мог вспомнить и молчал, растерянно глядя на Лопе.

— Мы возьмём его на немые роли! — обрадовался Бенито.

— Что ты умеешь? Ходить на руках умеешь? — весело спросил Пабло и прошёлся по земле колесом.

— Я умею писать стихи, — сердито сказал Мигель.

— Стихи? — оживился Лопе. — Прочти нам стихи, это хорошо.

Мигель прочёл. Лопе задумался.

— Я никогда не умел так складно построить размер и рифму, — сказал Лопе. — Ты учился, это видно, и это нам нужно. То, что ты прочёл, можно бы прекрасно разыграть в виде сцены между пастухами и пастушками...

Лопе де Руэда помолчал. Морщинки разбежались от носа, лотом опять собрались.

— Можно будет взять тебя, — решительно сказал Лопе. — Только в телеге у нас места нет. Как тебя зовут?

— Мигель Сервантес, сын Родриго Сервантеса.

— Так вот, Мигель, поезжай с нами, но только сам найди, на чём тебе ехать.

— На осле! — пискнул Пабло.

— Я достану коня, — сказал Мигель, обращаясь к Лопе.

— Ого! — обрадовался Бенито. — Слышишь, Пабло? Да это настоящий дворянин, кабальеро.² Наденем ему настоящие доспехи! Шлем и латы!

— Оставьте его в покое! — сказал Лопе. — А ты, Мигель, помни: если хочешь ехать с нами, привыкай ко всему. Знай, что бродячему актёру часто приходится мёрзнуть без плаща, спать на сене, обедать на лошадиной попоне. Вино ему мерят драхмами, хлеб — унциями, а голод — четвертями. Мы выступаем завтра, в шесть утра. Подумай ещё раз, и если решишься, ищи нас завтра на восходе солнца за южными воротами, на втором повороте Толедской дороги. А теперь ступай, занимайся своими делами, а мы займёмся своими.

Глава вторая

¹ Идальго — мелкий дворянин.

² Кабальеро — конный воин, рыцарь.

Письмо из Саламанки

— Как сказать отцу? — Мигель долго ворочался без сна на постели. — Бедный отец! Придётся уйти, ничего не сказав.

Мигель вскочил. Кое-как одевшись, он тихонько прошёл в конюшню. Худой отцовский конь Лардо, точно понимая, посмотрел на него влажными глазами. Мигель осторожно вывел коня, вздрагивая от постукивания копыт по плитам двора. Так, неосёдланным, он провёл Пардо по сонным улицам до пустынного переулочка за церковкой Санта-Крус, здесь наскоро оседлал его и, не оглядываясь, поскакал к Капуцинским воротам и дальше, за ворота, по Толедской дороге.

В это утро старый Родриго Сервантес долго натягивал вытертый камзол, оправлял пожелтевший от стирки сборчатый воротник. Он витиевато, крупными буквами, писал прошение ректору, отцу Онофрио.

В девять часов, не спрашивая о Мигеле, Родриго Сервантес надел плащ и степенным шагом направился в университет.

В сонном, старом городе Алькала все знали высокую, слегка сутулую фигуру бедного идалго. Каждый день, около полудня, в тщательно вычищенном порыжевшем плаще, в старинной широкополой чёрной шляпе, с чётками и шпагой у пояса, дон Родриго медленно проходил по Калье-Майор, главной улице города. Церемонно и вежливо кланяясь знакомым, иногда останавливаясь для неторопливой беседы, дон Родриго гулял по теневой стороне до двух часов.

Если дома был обед, ровно в два дон Родриго шёл домой подкрепиться. Если обеда не было, дон Родриго и так, с пустым желудком, отправлялся на обход своих немногочисленных больных. У постели больного он не спеша садился, вынимал табакерку и выслушивал жалобы. Потом смотрел язык, качал головой, ставил баяки и пускал кровь. Если пациент был серьёзно болен, дон Родриго давал ему кусочек гренадского чудодейственного корня. Если совсем плох, он посылал к нему духовника.

Родриго Сервантес был горд и беден — так же горд и так же беден, как другие нищие идалго старого города Алькала. Но дон Родриго не гнушался работой — у него была большая семья.

Донья Леонора и дочери, Андреа и Луиса, целый день работали дома и на огороде, стирали, шили, сажали капусту, пололи гряды.

Но, выходя на солнце, донья Леонора прикрывалась вуалью — жене идалго неприлично было загореть, как простой крестьянке.

Когда дону Родриго удавалось вылечить кого-нибудь из своих больных, у его семьи была говядина. Но чаще они ели пустую похлёбку, без мяса.

И всё же, гуляя вечером по Калье-Майор, дон Родриго ковырял зубочисткой во рту, словно после сытного обеда, и, медленно — идалго не подобает торопиться — проходя по площади, приветливо и церемонно раскланивался с друзьями.

Сегодня старый идалго был особенно серьёзен.

Старший сын его, Родриго, уехал во Фландрию биться в войсках его величества. Младший, Мигель, должен остаться с ним, в Алькала. Мигель любит книги и поэзию. С ранних лет он жадно читает каждый печатный лоскуток, подобранный на улице. Сеньор Лопес де Ойос, первый его учитель, постоянно твердил, что у Мигеля необыкновенные способности к наукам. Он будет учёным, знаменитым теологом³ или стихотворцем.

³ Теология — богословие.

В приёмной старого Алькалского университета было пусто. На белых лепных стенах висели портреты отличившихся студентов — безбородые лица, похожие одно на другое. В приоткрытую дверь виднелся тёмный лощёный пол длинного коридора. Там было тихо, как и в приёмной: день был предпраздничный, занятий в университете не было, и все его семь тысяч студентов слонялись по улицам.

Осторожные, мягкие шаги слышались за дверью, и в приёмную вошёл немолодой, полный, красивый человек в богатой тёмно-лиловой сутане.

— Преподобный отец! — шагнул вперёд дон Родриго. — Осмеливаюсь явиться к вашей милости с просьбой о сыне моём, Мигеле Сервантесе...

Ректор снисходительно наклонил голову.

— С ранних лет сын мой проявляет великую склонность к наукам, изучает творения отцов церкви и латинских поэтов и сам сочиняет эклоги и поэмы. Но по бедственному положению моему я не могу оплатить его пребывание в стенах благочестивого, вверенного вашему преподобию университета...

Лицо ректора приняло выражение вежливой скуки.

— Прошу, считаясь с подвигами древнего рода нашего, Сааведра, и неоценимыми услугами, оказанными предками нашими отечеству при изгнании неверных, осаде Гренады, Севильи и Лохи...

Он протягивал ректору свою бумагу. Отец Онофрио не слушал.

— Бумага? — перебил он. — От кого?

— Я сам, ваше преподобие, — смутился дон Родриго, — сам изложил главнейшие заслуги и причины...

Ректор скользнул глазами по начальным строчкам, потом перевёл их на самого дона Родриго. Дон Родриго весь съёжился. Ему казалось, что ректор видит каждую заплатку на его плаще, вытертые нитки на камзоле, рыжие пятна на шляпе, вздрагивающей в его руке.

— Дорогой сеньор! — учтиво сказал ректор. — Отечество и святая церковь наша, покровительствующие всякой учёности, рады были бы оценить заслуги вашего достойного рода и принять его отпрыск под своё крыло. Но, увы, университет беден! — Ректор развёл холёными руками. — Наш прославленный университет беден! Стены его неспособны вместить потомков всех испанских воинов, даже наиболее отличившихся в борьбе с неверными. Попытайтесь направить вашего сына по другой стезе, не менее приличествующей вашей гордости и более соответствующей, — голос ректора дрогнул насмешкой, — более соответствующей вашим доходам.

— Сыновья разбогатевших торговцев, — резко сказал дон Родриго, сворачивая измятую бумагу, — попадают в университет. Я полагал, что для потомка Сааведры...

Но отец Онофрио уже кивал головой в знак окончания беседы, служитель шёл к дверям и распахивал их перед доном Родриго.

Растерянный идальго вышел из сумрачного вестибюля на ослепительно белую под солнцем улицу, но тут выпрямился и обычным медленным, полным достоинства шагом повернул домой.

С угла улицы, ещё издали, он увидел перед своим домом незнакомого всадника. Донья Леонора махала ему в окно большим конвертом.

— Письмо! — кричала донья Леонора. — Письмо с нарочным из Саламанки!

Дон Родриго взял письмо и прошёл в дом. Донья Леонора обеспокоенно следила за его лицом.

— Хорошие вести, неожиданные вести! — радостно сказал дон Родриго, дочитав

письмо. — Сеньор Лопес де Ойос, прежний учитель Мигеля, вызван ко двору и переезжает из Саламанки в Мадрид. Он вспомнил о нашем сыне и зовёт его к себе.

Дон Родриго встал и прошёлся по комнате.

— Или море, или церковь, или двор короля, — взволнованно сказал он, останавливаясь перед женой. — Так, по нашей старой кастильской пословице, должен выбирать свою судьбу юноша из благородной семьи. Море — это путешествие, опасности, битвы. Их выбрал Родриго. Церковь в наше время открывает доступ только детям влиятельных и имущих. Сама судьба с этим письмом посылает нашему сыну возможность третьего пути. Где Мигель? Позови ко мне Мигеля.

— Его не видно сутра, — с тревогой сказала мать. — Луиса и Андреа давно уже пошли его искать.

— Мигеля нет нигде! — вбежала минуту спустя старшая, Луиса. — Я обегала все улицы, площади, спрашивала всех товарищей. Сегодня его не видел никто.

— И Пардо нет! — влетела за нею младшая, кудрявая и смешливая Андреа. — Пардо нет на месте; видно, Мигель ещё ночью ускакал из города неизвестно куда!..

— Пресвятая дева, он убежал от нас! — закрыла лицо руками донья Леонора.

— Господи, что же... что же я теперь отвечу сеньору де Ойосу? — сказал дон Родриго и растерянно опустился на стул.

Глава третья

Роланд

Сеньор Лопес де Ойос, профессор риторики⁴ и гуманитарных наук, терпеть не мог путешествий. В дороге драгоценные рукописи сеньора, вместо того чтобы лежать в порядке на полках шкафа, тряслись, кое-как уложенные, под сиденьем кареты; мулы, переходя вброд реку, легко могли подмочить тюки с латинскими и греческими книгами, а этот вор Хосе, его слуга, в любой деревне готов был редкое издание евангелия с серебряными застёжками обменять на кусок гнилого козьего сыра. Уже вторую неделю, отдыхая подолгу на всех постоянных дворах, ехал дон Лопес из Саламанки в Мадрид.

В деревушке Кабрерос он сидел третий день. Хозяин гостиницы оказался человеком тонким, знатоком пасторальной поэзии, и дон Лопес по вечерам читал ему итальянских поэтов. Только к концу третьего дня он вспомнил, что пора ехать, и велел Хосе укладываться.

Перед заходом солнца в ворота въехал небольшой крытый возок, за возком юноша на поджаром вороном коне. Жена и дочки хозяина и вся прислуга в доме — скотницы, судомойки, повара, — точно их ветром сдуло, побежали вниз во двор, смотреть на приехавших.

— Это Лопе де Руэда со своими актёрами, — объяснил дону Лопесу хозяин. — Он всегда останавливается у меня, когда приезжает.

До позднего вечера дон Лопес слышал возгласы и хохот внизу: это актёры, поужинав, наскоро устроили представление тут же, на дворе, чтобы отблагодарить хозяина за угощение.

Не утерпев, старик тоже сошёл вниз. Представление уже окончилось. Один из актёров, юноша, невысокий, худой, горбоносый, шёл по рядам со шляпой.

Дон Лопес уже хотел уходить, но вдруг остановился.

⁴ **Риторика** — наука о поэтическом красноречии.

— Сплю я или сошёл с ума? — почти вслух сказал дон Лопес, посмотрев на мальчика.

Как мог попасть сюда, к странствующим комедиантам, Мигель, его бывший ученик, сын его друга, лекаря Сервантеса?

«Должно быть, у меня от дорожной тряски помутились мозги», — с тревогой подумал старик.

Он пошёл к себе, но, едва запер дверь, к нему постучался слуга Хосе.

— Письмо вашей милости из Алькала, — сказал Хосе. — Ещё в Саламанку послано, нарочный догнал нас, передал мне у ворот.

Дон Лопес распечатал письмо, прочёл и начал усиленно поглаживать свои тонкие седые волосы, лёгким пухом окружающие лысинку на макушке.

— Дурные вести, сеньор? — спросил Хосе.

— Нет, хорошие, — неожиданно ответил дон Лопес. — Вести такие, что, значит, я, старик, видно, ещё не совсем выжил из ума. Раскладывай вещи, Хосе: мы сегодня не едем.

Он долго шептался о чём-то с хозяином, потом отдал какие-то распоряжения Хосе. Через полчаса он опять сошёл вниз. Двор был уже пуст. Юноша, собиравший деньги за представление, один стоял у ворот и смотрел на улицу.

— Мигель! — тихонько окликнул его сзади дон Лопес.

Юноша быстро обернулся и с недоумением поглядел на старика.

— Однако я узнал тебя быстрее, чем ты меня! — рассмеялся дон Лопес и подошёл ближе.

— Это вы, дон Лопес?! — воскликнул Мигель и обнял учителя. — Как вы попали сюда?

— Вот этот самый вопрос я как раз хотел задать и тебе, мой друг.

Мигель покраснел.

— Пойдём со мной, Мигель, мне надо с тобой поговорить, — серьёзно сказал старик.

— Я знаю, о чём, и... не надо, дон Лопес, — смешался Мигель. — Мне надо идти к своим, мы сегодня на рассвете едем дальше.

— Идём, идём, — настойчиво сказал старик и взял Мигеля за локоть.

Он молча провёл юношу через двор, взял свечу у хозяина и по внутренней деревянной лестнице повёл его куда-то наверх, во второй этаж, потом выше.

— Куда вы меня ведёте? — испугался Мигель. — Неужели вам отвели комнату на самом чердаке?

Не отвечая, дон Лопес ввёл юношу в тесную комнатку под самой крышей, с узким слуховым оконцем, заколоченным досками.

Мигель с удивлением посмотрел на две широкие резные деревянные кровати, застланные шерстяными одеялами, и неловко сел на одну из них.

— Вот так, — одобрительно кивнул дон Лопес. — А теперь мы сделаем вот что.

Он подошёл к двери, накинул засов, запер на внутренний замок и спрятал ключ на груди. Мигель вскочил с постели.

— Ты ведь не станешь нападать на меня, твоего старого учителя?

Дон Лопес стал на самом пороге и плотно прижался спиной к двери.

Мигель бросился к окну и затряс доски, набитые на раму.

— Пустите меня! — отчаянно закричал Мигель.

— Кричи, дёргай, сколько хочешь, — ничего не поможет. Через дверь ты не

выйдешь, для этого тебе придётся поднять руку на меня. А через окно тебя никто не услышит... Никто!.. — повторил старик, подступая ближе к Мигелю. — Все в доме предупреждены, твоих актёров устроили на дальнем сеновале, все слуги будут глухи в эту ночь... Кричи, сколько хочешь, тебя никто не услышит.

Мигель повалился на постель вниз лицом.

— Ты молод и глуп, Мигель, и потому приходится так поступать с тобой. Садись на кровать, поговорим. Вот так.

Дон Лопес вздохнул и сел на постели рядом.

— Тебе девятнадцать лет, Мигель, и ты думаешь, что знаешь всё. Но ты не знаешь ничего. Ты думаешь, что у бродячих комедиантов ты научишься большему, чем из книг?

— Выпустите меня! — Глухо сказал Мигель.

— Послушай, Мигелито, ведь я хочу тебе только добра. Скажи по совести, тебе хорошо было с актёрами?

— Хорошо, — сказал Мигель. — Мы ночевали в открытом поле или на сене у крестьян и играли на постоянных дворах... Нас везде хорошо принимали, а если хозяин был скуп и плохо платил за представление, Бенито днём примечал, где у него висит копчёная свинина, а ночью приносил целые окорока...

— Святая монсерратская дева, помилуй нас! — схватился за голову дон Лопес. — Если бы твой отец знал!

— Выпустите меня отсюда, дон Лопес!

— Завтра выпущу, Мигелито.

— Завтра будет поздно. Рано утром актёры уйдут.

— Прекрасно! — обрадовался старик. — Ты поедешь со мною.

Дон Лопес выдвинул из-под кровати деревянный дорожный сундучок, раскрыл его, вынул толстую коричневую книгу. Он приготовил свой последний довод.

— Ты ещё не забыл моих уроков итальянского, Мигель? Слушай! — сказал дон Лопес.

Особенным ритмическим напевом, взмахивая в такт рукой, дон Лопес произнёс первую строфу:

Героев ли тебе напоминать,
Пред очи вывести славной вереницей
Держающих свой славный род венчать
Бессмертия лучистой багряницей?..

Мигель затих. Это был Роланд, великий Роланд, Роланд неистовый, странствующий по свету рыцарь.

Скользит ладья по зыби голубой,
Вращает кормчий опытно ветрила.
Зеландия мелькнула над волной,
На третий день к Голландии приплыла
Ладья. Сошёл Роланд на брег чужой...

Дон Лопес читал дальше. Роланд освобождал шотландского графа и спасал девицу Олимпию. Он бился с сарацином и уходил от козней Брюнеля. Прекрасная Анжелика блуждала по диким местам.

Где ж милая? Где ночь тебя застала? Где, одинокая, блуждаешь ты? Или без верного Роланда пала Добычей робкой злого волка ты?..

Мигель слушал с увлечением. Они оба не слышали, как актёры запрягли лошадей,

как звали Мигеля и, не дождавшись, съехали со двора. Утренний свет уже проник в щели между досками, когда дон Лопес отложил книгу.

— Песня девятая. Не довольно ли на сегодня, Мигель?

Мигель вскочил.

— А Роланд? Дон Лопес, что же Роланд?

— Роланд? — Дон Лопес потянул к себе книгу.

Никем не узанный, в ночном походе, —
Вы помните, Альмонтов шлем он скрыл, —
До врат дошёл Роланд и воеводе,
Что те врата тем часом сторожил,
Шепнул: «Я — граф», а пропуск на свободе
Ему везде, как паладину, был.
Вот едет прямо в вражий стан проклятый.
Что дальше, в песне вам скажу девятой.

Дон Лопес захлопнул книгу и спрятал её в сундучок.

— Вот так. А теперь, Мигель, можешь ехать со своими актёрами.

— Я поеду с вами, дон Лопес, — сказал Мигель.

Глава четвёртая

В Мадриде

— Здесь беспокойно! — таинственно сообщил Мигелю дон Лопес в первый же день приезда. — Мы приехали в самую горячую пору: король окончательно поссорился с наследником, все ждут событий.

Старик поморщился и неодобрительно покачал головой.

— Беспорядок! — сказал дон Лопес. — В самом дворце беспорядок.

Занятий первое время не было, и Мигель целые дни бродил по улицам.

Двор, недавно переехал в Мадрид, и в городе было шумно. По пыльным, немощёным улицам тянулись возы, скакали конные, трусцой бежали ослы. Погонщики мулов, сидя на земле, считали доходы; андалузцы в цветных повязках, всесветные перекупщики и воры, пили и кричали под навесами. Низкие дома, сложенные из грубого камня, казалось, с удивлением смотрели на эту суету. Дома Мадрида ещё не привыкли к шуму.

Король Филипп хотел отметить своё царствование выбором новой столицы. Он мог бы выбрать Барселону, торговый город и важный порт, или Толедо, промышленный центр Кастилии, город сукновальных фабрик и оружейных мастерских, или, наконец, Алькала, город учёных и древнего университета.

Король выбрал Мадрид, географический центр полуострова, унылую деревню среди голых полей, в самом суровом и безотрадном месте суровой и безотрадной Кастилии.

На три четверти населённый придворными, королевской челядью, случайными, пришлыми людьми, город жил дворцом и дворцовыми слухами. А слухи о дворце ходили недобрые.

Король Филипп преследовал собственного сына, инфанта Карлоса. Говорили, что принц — тайный приверженец Лютера.⁵ А «лютерову ересь» Филипп не прощал никому. Он преследовал её дыбой и смертью на костре.

⁵ Лютер — германский реформатор XVI века, выступивший против учения католической церкви.

Костром, пыткой и инквизиционным застенком Филипп пытался сохранить свою монархию, трещавшую по всем швам.

Всякое упоминание о том, что происходило во дворце, строго запрещалось. И всё же слухи и толки о дворе ползли из дома в дом.

Король держит принца Карлоса взаперти и никуда не выпускает.

Он подсылает к нему шпионов, не допускает друзей и перехватывает письма, которые Карлос в отчаянии шлёт иностранным дворам.

Не смея убить сына-отступника, король всеми способами доводит его до помешательства и самоубийства.

Так шептались в городе.

Молодые идалго бродили по улицам в зелёных и чёрных бархатных камзолах, в шляпах с перьями. Идалго подолгу стояли на углах и, встречаясь, церемонно приветствовали друг друга; они клялись сердцем Иисуса и пресвятой девой и поминутно, по любому поводу, хватались за шпагу.

Мигелю указали на нескольких дворян знатного рода — на дона Фадрике Альвареса, старшего сына герцога Альбы, на Луис де Басана, на Антонио де Сигуру, племянника маркиза де Иварры.

Антонио де Сигура, капитан королевской охраны, стройный кабальеро в алой ропиле с откидными рукавами, проходил, волоча шпагу и не глядя ни на кого. Как-то раз Мигель столкнулся с де Сигурой лицом к лицу в тесном переулке.

— Извините, сеньор! — Мигель отступил и дал пройти де Сигуре.

Де Сигура, не благодаря, как на пустое место, посмотрел на скромно отступившего Мигеля. Мигель прочёл презрение в глазах капитана.

Уже четвёртый месяц жил Мигель в Мадриде, но ещё ни разу не видел короля.

Как-то утром он очень рано вышел на улицу и ещё издали увидел на площади странный кортеж. Казалось, там были одни монахи — туча монахов в белых, чёрных и коричневых рясах. Когда толпа приблизилась, Мигель разглядел двух всадников посередине и закрытую карету позади.

Всадника слева Мигель знал хорошо. Это был дон Карлос. Принц учился в Алькала, и подростком Мигель не раз видел его. Очень худой, с синеватым, болезненным цветом лица, принц неловко, сгорбившись, сидел в седле и растерянными глазами смотрел в сторону.

Человека рядом с принцем Мигель видел в первый раз. Он сидел в седле выпрямившись и не поворачивая головы ни вправо, ни влево. Короткий чёрный плащ, без всяких украшений, свисал с острых приподнятых плеч. Безобразно вытянутый обезьяний подбородок упирался в белый стоячий воротник. Глаз не было видно — их скрывала бархатная шляпа. Только неприятно бледные, мертвенные щёки разглядел Мигель.

Кортеж направлялся к собору, к ранней мессе. У входа оба всадника спешили, и монахи окружили их. Карлос спорил о чём-то со своим спутником; он ступил назад, словно хотел уйти. Второй что-то резко сказал и, схватившись за рукоять шпаги, повернулся к принцу. Тут Мигель увидел его глаза: светло-серые, подслеповатые, равнодушные.

Это был король, тот самый, который незадолго перед тем на последнем аутодафе скрипучим голосом на всю толедскую площадь крикнул:

— Я сына своего первый толкну на костёр, если он изменит делу веры!

Глава пятая

Кахита

Мигель шёл домой. У каменной ограды сада кружком стояли люди. Мигель подошёл и увидел цыганку лет пятнадцати. Девушка стояла у стены и неуверенно озиралась. В чёрных спутанных косах, брошенных на грудь, блестели серебряные монетки.

— Попляши, цыганочка, дам денег! — сказал кто-то.

Девушка неуверенно улыбнулась, потом подбоченилась и притопнула ногой. Вскидывая руки, как крылья, цыганка закружилась на месте. Пёстрые рваные юбки надулись пузырям. «Гей-ха!.. Bravo, bravo!» В толпе били в ладоши.

— Ещё! Ещё!..

Девушка устала. Она закружилась медленнее, остановилась, потом понуро протянула руку.

Но толпа уже расходилась. Цыганка стояла, как нищенка, с протянутой рукой.

Мигель не утерпел. Он вынул все свои деньги.

— Ты хорошо танцевала! — сказал Мигель и высыпал серебряные монетки на ладонь цыганки.

Девушка пересчитала монеты. Десять бланок, кварта, две кварталы, реал!..

— Спасибо! — крикнула цыганка. Она уже смеялась.

— Прошу, сеньорита! — Мигель вежливо поклонился девушке.

Цыганка смело посмотрела на него.

— Я вас знаю, — сказала она. — Вы дон Мигель.

— Откуда ты знаешь? — удивился Мигель.

— Я часто бываю на этой улице. Вы отсюда. — Она указала рукой в сторону сада дона Лопеса.

— А ты кто? — спросил Мигель.

— Кахита, — ответила девушка.

— Откуда ты?

— Из табора.

— А далеко ваш табор?

— Шесть миль отсюда, за городом.

— И много вас там? — с любопытством спросил Мигель.

— Много-о! Девятнадцать семейств. Мы с отцом часто бываем в городе... Он и сейчас, верно, ждался меня на рынке.

И девушка побежала прочь. Мигель смотрел ей вслед.

— Приходи к нам! — крикнула Кахита, отбежав. — У нас весело. Приходи смотреть, как мы поём и пляшем и жжём костры.

— Я не знаю дороги! — смущаясь, крикнул Мигель.

— Я приду за вами, — остановилась Кахита, — обязательно приду, завтра или послезавтра. Прощайте! — Она церемонно присела, придерживав кончиками пальцев свои цветные рваные юбки, и скрылась за углом.

Дон Лопес в это утро надолго заперся у себя в библиотеке с сеньором Саласаром, своим влиятельным другом. Мигель пошёл в сад дожидаться его. Но после разговора с Саласаром дон Лопес вышел расстроенный. Сухой и маленький, он долго бегал по дорожкам вокруг своих клумб, потом сел на скамейке рядом с Мигелем.

— Какие времена настали! — покачал головой дон Лопес и огорчённо сложил на коленях белые сухие ручки.

«Что случилось?» — хотел спросить Мигель, но воздержался. Он знал, что, если не спрашивать, учитель сам расскажет гораздо больше.

Но на этот раз дело было действительно серьёзное и тайное, потому что старик только ёрзал на скамейке и качал головой.

Белое здание королевского дворца виднелось отсюда углом: часть главного фасада и почти весь боковой.

— Видишь, Мигель, — схватил ученика за руку дон Лопес, — в боковом фасаде, наверху, под крышей, два круглых окна без решётки?

— Да, вижу.

— Это кабинет принца.

Больше на этот раз дон Лопес не сказал ничего.

Мигель прошёл к себе. День был пасмурный. Он до вечера просидел дома, читал Саннадзаро.^б Потом вынул листки с начатыми стихами... Пастух Элисио, с зелёных берегов Тахо, полюбил прекрасную пастушку Филену, рождённую на тех же берегах. Это была недавно начатая большая поэма «Филена». Мигель попытался набросать несколько строк. После изящества и лёгкости саннадзаровых строф испанский стих казался отрывистым и жёстким. Нет, «Филена» сегодня не писалась.

Мигель взял с полки Амадиса Галльского.

Рыцарь Амадис встретился с сарацином в горном ущелье. Предстоит бой. У Амадиса закрыто лицо.

— Я узнал бы тебя из ста воинов по твоей гордой осанке, — говорит дерзкий сарацин.

— Смотри! — отвечает Амадис. — Я поднимаю забрало! Ты сейчас узнаешь, что моя храбрость соответствует моей славе!..

Они пришпоривают коней и бросаются друг на друга; оба ударяют друг друга в забрало, и сарацин старается стащить Амадиса с седла, чтобы задушить, но падает сам, запутавшись в стремях. Конь сарацина мчится через леса и равнины; ослеплённый страхом, он уносит своего господина, который уже не в силах управлять им. Конь несётся всё быстрее; вдруг он бросается со своим всадником в широкий и глубокий ров и ломает ноги об острые камни...

Мигель не заметил, как стало темно. Он читал о прекрасной Ориане. Обманутая колдуньей, Ориана отвергла Амадиса.

Бедный Амадис! Он удалился в пустыню, ел траву и тосковал по своей прекрасной даме.

— Назовись Рыцарем Льва, верный Амадис, возьми свой меч и заколдованные доспехи! Садись на коня и выезжай рубить головы драконам, стерегущим твою даму...

Мигель захлопнул книгу. О, если бы можно было, как Амадис, назваться паладином!.. Достать заколдованный меч и странствовать по свету, как Рыцарь Льва, среди опасностей и битв. Спасти Бриолану из лап чудовища и сразиться с дерзким сарацином.

Поздно вечером он опять вышел в сад. Весь Дворец был тёмн. Только два верхних круглых окошка — кабинет принца — были освещены.

«Там что-то происходит!» — подумал Мигель.

Он сам не заметил, как произнёс эти слова вслух. И сейчас же, точно в ответ на это, кто-то вздохнул и завопил на скамейке.

^б Саннадзаро — итальянский поэт XVI века.

Мигель оглянулся. Дон Лопес глядел прямо на него.

— Сегодня ночью... — начал он.

— Что сегодня ночью? — не вытерпев, переспросил Мигель.

— Что? Разве это я сказал «сегодня ночью»?.. Это ты сказал! — рассердился старичок.

Но секунду спустя он вскочил и подбежал к Мигелю.

— Сегодня ночью принца арестуют, — заволновался дон Лопес, тряся Мигеля за локоть. — Его давно собираются запереть под замок... Он уже полгода ждёт нападения. Филипп не пропускает к нему оружия. Карлос выбирает в библиотеке самые тяжёлые книги, кладёт их возле своего изголовья и не спит, всё смотрит на дверь и ждёт, чтобы кинуть и убить входящего. Принц уже несколько месяцев почти не спит. Лекари опасаются за его разум... На прошлой неделе Луи де Фуа, французский мастер, друг принца, устроил механизм, благодаря которому дверь его кабинета закрывается и открывается, когда принц надавливает пружину возле своей постели. Он даже успокоился и начал спать... Но на француза донесли. Филипп заставил его, под страхом смертной казни, тайно от принца испортить механизм, и сегодня ночью... сегодня ночью во дворце ждут...

Круглые окна кабинета осветились ярче, потом вдруг оба сразу погасли.

Дон Лопес замолчал с полуоткрытым ртом.

— Чего ждут? Ареста? Убийства? — пересохшими губами спросил Мигель.

— Не знаю, не знаю, не знаю! — замахал руками, точно опомнившись, дон Лопес. — Я ничего, ничего тебе не говорил. Забудь, забудь, сейчас же забудь!..

— Одно окажите мне, дорогой дон Лопес! — взмолился Мигель, удерживая учителя за руку. — Какое обвинение предъявляют принцу?

— В покушении на священную особу самого короля, — шёпотом выдохнул старик.

— И вы думаете, что это правда?

— Одному господу богу открыта истина! — уклончиво ответил дон Лопес и сложил руки на груди.

Глава шестая

Наследник престола

Той самой ночью принца арестовали. В одиннадцать часов сам король с двумя приближёнными и духовником прошёл на его половину. Король был в каске и вооружён. Герцог де Лерма шёл впереди с зажжённой свечой.

Они беспрепятственно открыли дверь.

Принц спал одетый.

Его разбудили. Под подушкой у Карлоса лежали давно припрятанная шпага и заряженная аркебуза.⁷ У принца забрали оружие, забрали бумаги, переписку и объявили ему об аресте.

Карлос в отчаянии кинулся на пол и обнял кривые ноги отца.

— Убейте меня, ваше величество, или я сам себя убью! — крикнул он.

— Вы — сумасшедший, — холодно сказал Филипп.

Карлос бросился в угол, к горящему камину. Антонио де Толедо, духовник короля, вовремя подскочил и оттащил принца.

Принца повели неизвестно куда. Даже самые осведомлённые люди не знали, в

⁷ Аркебуза — старинное ружьё.

какой из тайных покоев дворца его засадили.

Внешне всё шло по-старому. Филипп слушал мессы, перебирал чётки, принимал послов.

А через три месяца весь Мадрид шептался о внезапной смерти принца.

Он умер от «воспаления внутренних органов». Так гласило официальное извещение.

Наследника престола поспешно и без всякой торжественности закопали.

Три дня, по приказу короля, из ворот Мадрида не выпускали ни одного человека.

Мигеля дон Лопес, на всякий случай, засадил на эти дни в библиотеку переписывать стихи.

Два месяца спустя умерла Елизавета Валуа, молодая жена Филиппа, бывшая невеста принца.

Иностранные дворы забили тревогу. В Париже Екатерина Медичи, королева французская, устраивала торжественные заочные похороны принца и слала Филиппу истерические запросы и письма. Папа римский Пий V, не отставая от неё, служил по принцу пышные обеды и отправил послов на разведки.

И неожиданно приезд одного из папских послов, прелата Аквавивы, определил всю дальнейшую судьбу Мигеля Сервантеса.

Глава седьмая **Ночной поединок**

Здесь покоится слава испанского народа,
Здесь цветок сокрыт французской земли...

Эпитафия была хороша. Мигель переписывал стихи уже в четвёртом варианте.

«История и правдивое описание краткой болезни и счастливого перехода в лучший мир её величества королевы испанской, доньи Исабелы де Валуа, светлейшей госпожи нашей...» Дон Лопес готовил сборник памяти только что умершей королевы. Все ученики дона Лопеса принимали участие в сборнике.

Здесь, на малом участке земли, погребена
наша радость.
Здесь звезда заката перестала мерцать...

Третий день из-за эпитафии Мигель не мог поехать за город, в табор. Он уже несколько раз был там, у Кахиты. Отец Кахиты, Мариц;, высокий цыган с каменным загорелым лицом и резкой проседью в чёрных волосах, сначала неприветливо встретил Мигеля.

— Как вас зовут, молодой сеньор? — спросил Мариц;.

— Мигель Сервантес де Сааведра.

— Кабальеро?

— Я — знатного рода, — ответил Мигель.

Мариц; посмотрел на старый камзол Мигеля с дважды надставленными рукавами.

— Отчего вы так худы, молодой сеньор? — спросил Мариц;.

— Я беден, — ответил Мигель.

— Какой же толк в знатности вашего рода, если вы бедны? — улыбнулся цыган.

Мигель не нашёл, что ответить.

Он часто стал ездить в табор. Пестрота и вольность цыганской жизни ослепили его. Мигель полюбил сидеть в кругу сдвинутых телег, у костра. Он познакомился со всеми подругами и братьями Кахиты и подружился с самым младшим, полуголым, всегда

голодным и весёлым Чикитильо. Мариц;, приглядевшись к Мигелю, стал разговорчивее.

— Что толку в знатности вашего рода, если вы бедны, дон Мигель, и не свободны? — говорил Мариц;. — Посмотрите на нас, — нет человека на земле веселее цыгана. Цыган никого не боится — ни бога, ни чёрта, ни сеньора. Это ваши трусы-крестьяне дрожат перед сеньором; мы раскидываем палатки, где захотим, и, когда захотим, снимаемся с места.

— Мы скоро уйдём отсюда, — сказала Мигелю Кахита. — Вы любите волю, дон Мигель, поезжайте с нами.

— Я не могу, Кахита, — сказал Мигель. — Я должен ещё год жить здесь, в Мадриде. Я обещал.

— Кому?

— Моему учителю. Я дал ему слово.

Кахита тряхнула головой.

— Как можно! — сказала Кахита. — Цыгане никогда не дают слова. Цыган никогда не знает, что с ним будет через год.

Она была права. Мигель жалел о том, что поехал с учителем. Он задыхался в этом городе монахов и царских слуг.

Лучший цветок нашей земли перенёсся на небо,

Злая смерть сломала его хрупкий стебель.

Это был седьмой вариант. Мигель отложил перо. Была ли она вправду похожа на цветок, молодая королева? Мигель никогда не видел её. Говорят, Елизавета была нехороша собою, очень боязлива и всегда бледна. Она всё не могла привыкнуть к своему испанскому имени — Исабела. Говорят, она до судорог боялась короля Филиппа, своего супруга.

По ту сторону, в царстве вечной славы,

Наша королева вкушает счастье и мир...

Нет, на сегодня довольно! Мигель вскочил. Цыгане уйдут без него!.. Ещё накануне он видел бледное зарево за городом. Он пошёл седлать коня.

Мигель выехал поздно, уже заходило солнце. Поля и бурые холмы окрестностей Мадрида казались ржаво-красными в свете заката. Когда он свернул на дорогу к табору, тяжёлое, тёмно-багровое солнце спряталось за дальним холмом; небо стало свинцовым, собиралась гроза.

На вершине плоского холма впереди виднелись на фоне потемневшего неба два кривых чёрных каменных дуба. Рядом развалины, остатки каменных столбов, конюшен: здесь когда-то была вента.⁸

С вершины холма раскрылась лежащая впереди равнина, огни цыганского табора слева и тёмный массив замка маркиза де Иварры на соседней возвышенности. На небе за замком ещё теплилось бледное зарево. Там были беспорядки: крестьяне маркиза де Иварры взбунтовались и подожгли его амбары с хлебом.

Мигель издали увидел в таборе неожиданное смятение. Цыгане поспешно снимались с места. Они распутывали стреноженных лошадей и очень суетились.

Мигель привязал Пардо, подошёл ближе и онемел.

Солдаты, на конях и пешие, выгоняли цыган из палаток. Они били их кожаными плетями и прикладами мушкетов и сгоняли всех в круг, где уже был беспорядочно

⁸ Вента — сельский постоялый двор.

свален цыганский скарб. Какая-то женщина упиралась, её тащили за волосы. Из крайней палатки к нему выбежала Кахита.

— Нас гонят отсюда! — крикнула она. — Маркиз де Иварра прислал сюда капитана де Сигурус отрядом солдат... Сам Сигура у нас в палатке. Идём туда скорее, он изобьёт моего отца!

Она потащила Мигеля.

Антонио де Сигура, в каске и перевязи капитана, стоял перед Мариц;. Лицо цыгана было уже изуродовано громадным синим кровоподтёком.

— Ты главный зачинщик! — кричал Сигура. — Это ты подстрекал крестьян поджечь амбары сеньора!..

Свистнув в воздухе, витая плеть опустилась на лицо цыгана.

Кахита кинулась между ними и обняла отца, подставив себя под удар.

— Ты хочешь получить за отца? Получай! — крикнул капитан.

Он опустил плеть, и красная полоса вздулась на открытом плече Кахиты.

— Не смейте бить её, капитан! — крикнул Мигель. Капитан обернулся.

— Не смейте бить эту девушку! — повторил Мигель и подступил ближе.

— Кто ты такой и почему ты вступаешься за эту бешеную девчонку? — удивился капитан.

— Меня зовут Мигель Сервантес. Я прошу вас, сеньор, не трогать этих людей.

— Убирайся отсюда прочь! — сказал Сигура.

— Сейчас же прекратите расправу, капитан! — крикнул Мигель. — Вы поступаете незаконно и подло!

— Мальчишка, ты пришёл сюда говорить мне дерзости! — рассвирепел Сигура. — Умеешь ли ты драться?

— Умею! — крикнул Мигель, выхватил шпагу и, скинув плащ, обернул им левую руку.

Они тут же сцепились в отчаянном поединке. Кахита и Мариц; замерли. Сигура был и сильнее, и выше, и лучше владел шпагой. Мигель успел взять дома у брата Родриго только несколько первых уроков фехтования.

— Я научу тебя, мальчишка, как оскорблять королевских капитанов! — первый налетел Сигура, неуловимо быстрыми движениями вращая шпагой.

Удар пришёлся в плечо, проколол одежду и разодрал кожу. Сжав зубы, Мигель перешёл к нападению. Сигура уже опять наскокивал на него, целясь концом шпаги прямо в грудь. Мигель уклонился от удара, сделал незаметный шаг вперёд, нацелился и всю тяжесть тела перенёс на рассчитанный удар правой рукой.

Сигура растерянно охнул, схватившись за левый бок, и медленно начал оседать на земляной пол палатки.

Шум встревожил солдат из отряда; от соседней палатки уже бежал кто-то и пронзительным свистом звал других.

Мигель метнулся к дереву, ощупью нашёл поводья, обрубил их шпагой, вскочил в седло, одной рукой сжал обрубленные концы, другой охватил шею лошади.

— Выручай меня, Пардо, уноси отсюда скорей!

Весь день собиравшаяся гроза, наконец, разразилась. Молнии прорезали небо от края до края, жестокий ветер гнул чёрные ветви каменных дубов.

— Выручай меня, Пардо, старый друг! — повторял Мигель, нахлёстывая коня.

Конь летел наперегонки с ветром и молнией. Позади уже топотала и гикала погоня. Деревья и развалины венты на пригорке неслись навстречу, как призрак. На самом

пригорке Мигель соскочил, ввёл коня под деревянный навес, в густую тень полуразрушенной галереи, и замер.

Бока коня ходили, его дыхание, казалось, было слышно на целую милю.

— Тише, Пардо, тише, не выдай, старый, милый друг! — шептал Мигель, поглаживая коню бока, дрожа и прижимаясь к потной конской шее.

Погоня, перекликаясь, скакала уже дальше.

Снова вскочив в седло, Мигель съехал с холма с другой стороны. Дальше он летел уже, не разбирая дороги, наперерез, через поля, по размытой дождём глинистой земле.

Погоня осталась далеко слева. Глубокий овраг вдруг перерезал ему дорогу. Мигель сжал коню бока каблуками.

Послушный конь, напряженившись, отделился от земли и перелетел на ту сторону, но передними ногами и грудью он попал в темноте на острый выступ огромного камня и медленно начал сползать на дно оврага.

Дон Лопес вставал рано, раньше слуг. Он любил поливать свои цветы, табак и гвоздику, когда их ещё не позолотило встающее солнце. Но в это утро нашёлся человек, который самого дона Лопеса застал в постели.

На рассвете Мигель, прихрамывая, прошёл между клумбами к окну спальни дона Лопеса и тихо стукнул в раму рукояткой шпаги. Коричневый шёлк шторы заколебался, круглая голова учителя выглянула из-за неё.

— Мигель?! Откуда ты в такой час, в таком виде?

Воротник Мигеля был порван и смят, камзол на плече разрезан, чулок на разбитой в овраге правой ноге потемнел от засохшей крови.

— Я дрался этой ночью... — хрипло сказал Мигель.

Дон Лопес, онемев, отступил от окна.

— Этой ночью я убил капитана де Сигуру, — уже твёрдо сказал Мигель и посмотрел прямо в глаза учителю.

— Де Сигуру, капитана королевской гвардии? Племянника маркиза де Иварры? — заломил руки дон Лопес. — Пресвятая монсерратская дева, помилуй нас!

— И ты стоишь здесь, — спохватился он через секунду, — ты стоишь здесь и теряешь время, когда тебя, может быть, уже ищут, когда по городу за тобой уже, быть может, охотятся королевские альгвасилы?⁹ Беги, скорее беги, Мигель! Где твой конь?

— Он сломал себе передние ноги, лежит вон там, в овраге.

Мигель неопределённо махнул рукой.

— Что ты наделал, Мигель! — затряс головой дон Лопес. — Твоя эпитафия в моём сборнике памяти королевы была самой лучшей, особенно четвёртый вариант... Теперь всё пропало! Ах, как жаль, Мигелито!..

Мигель молчал.

— Беги же скорее, Мигель! — заторопился старик. — Вот тебе мой старый плащ, закутайся в него... Скорее, уже поздно. Гляди, солнце восходит.

Глава восьмая

Неожиданный выход

— Вашему величеству угодно было ускорить срок моего отбытия обратно в Рим, к трону его святейшества.

Высокий красивый итальянец в фиолетовой рясе почтительно склонился перед

⁹ Альгвасил — полицейский.

королём Филиппом в кабинете аудиенций.

Красноватые недоверчивые глаза Филиппа недовольно осматривали слишком изящную для духовного лица, надушенную голову папского посла.

— Надеюсь, ваше величество не откажет отметить в письме к его святейшеству, — ещё ниже склонился прелат, — усердие, с которым я, скромный слуга римского престола, пытался исполнить свой долг: выразить вашему величеству соболезнование его святейшества и всей римской курии в тяжёлой утрате, понесённой испанским престолом.

— Да, да, — невнятно промямлил король, с ненавистью глядя на итальянца.

«Что он пронюхал? — думал Филипп, — Что он расскажет папе?»

Филиппа раздражал шум, который со смертью Карлоса поднялся при всех дворах Европы. Папа римский присылает соглядатаев даже сюда, ко двору.

Филипп нервно поправил перевязь шпаги на боку. Его бледное лицо на фоне чёрного камзола казалось почти синеватым. Если бы было можно, он прогнал бы эту змею — итальянца! Но нельзя ссориться со святым стариком, с папой римским. У папы, может быть, удастся занять денег. Доходы с обложения народа уже на два года вперёд заложены австрийскому банкирскому дому Фуггеров. Одиннадцать миллионов дукатов¹⁰ нужны для того, чтобы расплатиться с банкирами.

Нидерланды, богатые Нидерланды взбунтовались и не хотят платить. Вместо сборщиков налога приходится посылать туда с герцогом Альбой громадное наёмное войско. Герцог слишком долго не шлёт вестей о победе, а на содержание войска просит всё золота и золота.

Из-за всего этого постройка Эскориала, королевского дворца в Гвадаррамских горах, задерживается бог знает на сколько.

Филипп, морщась, шевельнул больной ногой, лежавшей на волосяной подушке. Сегодня колено болело невыносимо. Не помогли ни мази лекаря, ни любимая молитва, ни даже пластырь святого Иеронима.

«Варварская страна!» — думал тем временем Аквавива, разглядывая кабинет аудиенций.

Белые стены без всяких украшений, простой стол, заваленный бумагами. Коричневый плащ и каменное лицо главного советника и королевского любимца де Гомеса — такой же строгий орнамент, как чёрное распятие на гладкой стене.

Здесь, в Испании, только у дворян, побывавших в Риме или в Неаполе, в культурных городах Италии, Аквавива видел резную мебель и штофные обои. А у остальных — холод, мыши, голые камни и портреты предков-завоевателей...

«Дикари! — с тоской думал Аквавива. — Солдатская раса. Хорошо, что я уезжаю».

Только сейчас король заметил, что итальянец всё ещё стоит перед ним и ждёт, почтительно склонив надушенную голову.

— Письмо его святейшеству уже написано, — почти резко сказал Филипп. — Герцог де Лерма вручит его вам в нижнем зале. Можете идти, отец мой. Впрочем, передайте его святейшеству, что никакие семейные утраты не помешают мне все силы свои отдать на служение и защиту нашей святой церкви!

Мигель дошёл до городских ворот и остановился. С той стороны, за стеной, на дороге стоял отряд конных альгвасилов. Крестьяне всё ещё волновались в поместье де

¹⁰ Дукат — золотая монета.

Иварры, и альгвасилам велено было никого не пропускать в город. Но они могли задержать и человека, выходящего из ворот.

Пока Мигель стоял и решал, что ему делать, один из альгвасилов тронул коня и отделился от других. С бьющимся сердцем Мигель повернул назад и медленно побрёл по улице. Нечеловеческих усилий стоило Мигелю не ускорить шага. Но альгвасил равнодушно проехал мимо. В Мадриде о ночном происшествии ещё ничего, видимо, не было известно.

Не зная, на что решиться, Мигель до полудня бродил по городу. В самый жаркий час он присел на берегу узкого Мансанареса, под крутой аркой небольшого мостика.

Нищие под мостом ловили рыбу и тут же жарили её на угольках жаровни. Глядя на них, Мигель вспомнил, что он уже почти сутки ничего не ел.

Он встал, чтобы пойти дальше. У въезда на мост стоял молодой оборванец. Завернувшись в изодранный плащ и нахлобучив на глаза шляпу, оборванец гордо протягивал руку за подающим.

Мигель остановился и посмотрел на него.

— Здесь нельзя стоять! — наставительно сказал оборванец. — Здесь моё место. Если хочешь просить, становись с того конца моста.

— Я не собираюсь просить милостыню, — смутился Мигель. — Я просто так, стою и смотрю.

— А почему у тебя такой голодный вид? — строго спросил оборванец.

— Потому... — запнулся Мигель. — Потому что я со вчерашнего обеда ничего не ел.

— Со вчерашнего обеда? Ого! Шутить не приходится! погоди, у меня тут в мешке заваялся кусок пирога с каштанами, старуха-португалка дала, проходя в собор. Бери половину, давай закусим вместе.

— Нищим быть в наше время самое выгодное дело, — продолжал оборванец. Он разломил чёрствый пирог и не торопясь откусил от своей половины. — Я, друг мой, всю страну обошёл, во всех городах побывал и лучше занятия не нашёл. Не веришь? Вот ещё да слушай, а я тебе расскажу.

Мальчишкой я работал в оружейной мастерской. Целый день стоял у горна, с восхода солнца до захода. У меня глаза слепли от жара; а если в мастерской была спешная работа — какой-нибудь богатый сеньор хотел скорее получить свой кинжал или шпагу, — хозяин заставлял меня прихватывать и добрый кусок ночи. Я ушёл от него и поступил в поводыри к слепому. Этот старик гнусавил молитвы на папертях соборов и собирал много денег. Всё бы ничего, но мой слепой был скуп, как дьявол, и кормил меня впроголодь. Я сбежал от него и поступил в слуги к попу. Прихожане таскали этому попу пироги и хлеб, а он всё запирали в большой деревянный ларь и мне давал по две корки в день. «Не умирать же с голоду», — решил я и подделал ключ к ларю. Целый месяц я жил сытно и весело, но скоро поп докопался до моей проделки и выгнал меня. Что тут делать? Я поступил в пажи к одному идальго в Сарагоссе. И это оказалось хуже всего! Мой идальго был предобрый малый и работой меня не изнурял, но у него не было ни гроша за душой. Целый день он ходил по улицам, хвастал своим знатным родом и заслугами предков, а, придя домой, ложился спать не поужинав. Ну, я промышлял, чем мог: когда выпрошу, когда стащу на рынке у зазевавшейся торговки; так и жил. Пришлось мне кормить и себя и его. Да только скоро забрали моего идальго за долги в тюрьму, я стал нищим и не променяю эту профессию ни на какую другую в мире.

— Как тебя зовут? — спросил Мигель, улыбаясь. Ему понравился весёлый нищий.

— Ласарильо, — с достоинством ответил оборванец. — Ласарильо, родом из Тормеса. Меня тут все знают, и я знаю всех. Вон идёт обратно из собора старуха-португалка, которая подала мне пирог. Вон купец Томас Меркадо, из этого квартала, тоже хорошо подаёт. А вон отец Ортуньо, каноник из церкви Санта-Хесус. У этого лучше не просить: легче верблюду пройти в игольное ушко, чем нищему получить бланку¹¹ от попа. А вон... Кто ещё там? Погоди, да это дворецкий итальянского посла Аквавивы. Чего он тут ищет?

Толстый человек в нарядной, шитой золотом ливрее шёл по мосту и растерянно глядел по сторонам.

— Добрый день, сеньор Макарони! — вежливо обратился к нему Ласарильо, приподнимая шляпу. — Как поживает ваш сиятельный хозяин и чего вы ищете в нашем квартале?

— Ах, боже мой, — сразу же начал жаловаться дворецкий, — сегодня уезжаем, а паж монсиньора, моего хозяина, заболел и не может ехать. Хозяин послал меня и строго наказал: найти сейчас же, до двух часов, другого, да чтобы был молод и хорошего рода и согласился в один час собраться и уехать. Где же я найду ему так быстро пажа, да ещё в чужом городе, да ещё молодого и...

— Я сам молод и хорошего рода, — учтиво сказал Ласарильо, — но я уже давно переменял профессию. Я давно перестал служить у духовных особ. Но я вас выручу, сеньор Панталоне. Мой молодой друг, кажется, свободен и готов ехать куда угодно.

У Мигеля заколотилось сердце.

— Я могу, пожалуй, ехать с вашим хозяином хоть сейчас, — сказал он.

— Идём же скорей! — обрадовался дворецкий! — Проси, сколько хочешь, жалованья, монсиньор на всё будет согласен.

Он увёл Мигеля. Ласарильо посмотрел им вслед.

— Пропадёт с голоду парень, — покачал головой Ласарильо. — Может быть, итальянские попы будут и получше наших, да только я думаю, что немногим.

Глава девятая

Бегство

«Прекрасный выход, — думал Мигель, придерживая коня на спуске. — Прекрасный и неожиданный. Через сутки я буду в сорока милях от Мадрида, а через неделю вне королевства. Если потом, через полгода, и откроется что-нибудь, в свите папского посла в Риме меня не тронут».

Мигель с невольной улыбкой вспомнил ужас дона Лопеса, которого он случайно встретил перед выездом из города. Старичок ехал в карете делать визиты своим друзьям. Как широко открылись глаза бедного профессора, когда в кавалькаде отъезжающего итальянского прелата он увидел его, Мигеля, в ливрее пажа. Мигель ещё успел подъехать к нему, объяснить, что он уезжает с Аквавивой в Италию, и попросил сообщить об этом родным в Алькала.

Аквавива сразу подружился с новым пажом и болтал с ним всю дорогу. Прелат был очень доволен собой и тем, как он исполнил поручение папы.

— Я везу с собой сведения из первых рук, — хвастал Аквавива.

И действительно, прелат знал все подробности трагической смерти принца.

Тогда, после ночного ареста, Карлоса перевели в северо-восточную башню дворца,

¹¹ Бланка — мелкая монета.

глухой каменный мешок с одним узким оконцем.

Карлоса мучили ежедневными допросами, исповедовали каждый час. Два раза в день заставляли отречься от своих убеждений, проклинать Лютера и присягать на верность отцу — королю. Карлос хотел заколоться, но у него забрали шпагу. Тогда он отказался от пищи. Семьдесят часов не ел, исхудал, день и ночь трясся в лихорадке, не спал. В конце концов не выдержал голодовки и начал есть. Принц бился головой о гладкие каменные стены, но не мог нанести себе серьёзной раны. В отчаянии он проглотил кольцо с большим бриллиантом — единственную, случайно оставленную ему драгоценность. Кольцо не причинило вреда. Тогда Карлос попробовал ещё один способ. Лекарь сказал ему, что излишества в еде после голода могут быть опасны для жизни. Карлос опять не ел двое суток, потом попросил много еды сразу — горячего жаркого, подогретого вина. Поев и разгорячившись, он выпил несколько стаканов воды со снегом и лёг на политый холодной водой каменный пол башни. В ту же ночь у принца началась горячка, воспаление брюшины, и через двое суток всё было кончено. Филипп освободился от непокорного сына.

— Мы, итальянцы, не столь жестоки, — смеялся Аквавива. — У нас иные нравы. В Риме, если человек делается неудобен, ему подносят розовое питьё в изящной хрустальной вазе, а к утру он умирает в судорогах.

Они ехали горным перевалом. Свита Аквавивы и возок с вещами ушли далеко вперёд. Прелат стегнул коня, чтобы нагнать их. Уже стемнело; мрачная тень от гор ложилась на узкую дорогу. Мигель вздрогнул.

Горы в этих местах были опасны. За каждым уступом скалы, за каждым камнем их могли — поджидать разбойники.

Вдруг конский топот послышался позади. Аквавива схватился за пистолет, Мигель нащупал рукоять шпаги.

Всадник показался из-за поворота дороги. Но он и не думал нападать. Он поднял руку в знак мирных намерений и что-то кричал и кивал Мигелю.

— Хосе! — вскрикнул Мигель. — Как ты попал сюда?

— С трёх часов гоню без перерыва, едва догнал вас, дон Мигель, — сказал Хосе, подъехав, и начал рыться у себя за пазухой.

Видя смущение Мигеля, Аквавива отъехал в сторону.

— Письмо к вашей милости, дон Мигель, спешное, тайное, от моего хозяина, — зашептал Хосе, вытаскивая из-за пазухи запечатанный конверт. — Дон Лопес так и сказал мне: гони и гони без перерыва, Хосе, пока не нагонишь дона Мигеля. А как нагонишь, отдай пакет и не проси ответа, а поворачивай и гони назад. И в деревнях нигде не останавливайся, никого не расспрашивай и ни с кем не болтай, — сказал дон Лопес...

Уже совсем стемнело. Мигель, не вскрывая, спрятал пакет на груди.

— Спасибо, Хосе, — спокойно сказал Мигель и тронул коня, чтобы догнать Аквавиву.

— Прощайте, ваша милость. Добрый путь!

Кавалькада остановилась на ночлег в маленькой горной венте. «Сено и вода для лошадей, постели и ужин для людей», — прочёл Мигель незатейливую надпись над воротами. Испуганный хозяин при виде таких важных гостей бросился собирать лучшие перины в доме. Работник вышел во двор распрягать и поить лошадей. Он укрепил у колодца смоляной факел.

В дымном и колеблющемся свете этого факела Мигель сорвал печати с пакета и

прочёл:

«Сигура не убит, а тяжело ранен. Он пришёл в себя и назвал твоё имя. Де Иварра настаивает на усиленных розысках. Спешу как можно скорее покинуть пределы Испании».

«Скорее, скорее, скорее!» — звучало теперь в сознании Мигеля день и ночь. В каждом топоте он слышал погоню, в каждом взгляде — подозрение. Скорее, скорее!..

Аквавива тоже торопился. Через неделю они были в Валенсии, откуда должны были отплыть к берегам Италии.

В Валенсии, приморском городе, соборов и монастырей было меньше, зато больше таверн и матросских кабачков; на улицах пахло солёным морским ветром, смолой и устрицами. Они отплывали вечером. Мигелю отвели крохотную каморку рядом с богатым, просторным помещением прелата. Зажглись кормовые фонари, и судно взяло курс на восток. Уже совсем в темноте, лёжа, Мигель слушал, как волны ударяют в борта, как скрипит, вздрагивая всем телом, старый, давно не смолённый корабль.

«Или церковь, или море, или двор короля, — вспомнил он, засыпая, любимую поговорку отца. — Море, море, наконец-то море!..»

В этот самый час в Мадриде ещё заседал королевский суд. Преступника не изловили, его судили заочно. Дело было серьёзное: оскорбление и тяжёлое ранение Антонио де Сигуры, капитана королевской охраны. Чтец королевского суда хриплым от недосыпа голосом читал приговор:

«... а виновнику, Мигелю Сервантесу, приняв все меры ко изловлению, с поношением публичным отрубить правую руку и изгнать его из пределов королевства сроком на десять лет...»

Глава десятая

У прелата

В Риме всё пошло совсем иначе. Сначала Аквавива вовсе позабыл о новом паже, потом вспомнил и нагрузил скучными и унижительными обязанностями.

Кончились снисходительные дорожные разговоры о литературе и нравах. Мигель должен был подавать прелату утром апельсиновый сок с водой, полотенце и таз для умывания, следить за порядком в гардеробной, докладывать о посетителях. Последнее было труднее всего.

Аквавива, в миру герцог Атрийский, делал головокружительную карьеру. В 24 года он уже метил в папские кардиналы. В приёмных залах его богатого дома день и ночь толпились льстивые патеры, заискивающие монахи, влиятельные светские люди. Мигель должен был докладывать, провожать, передавать поручения, извиняться, лгать. Он томился невыносимо.

Но идти было некуда. Возвращение на родину было невозможно.

В свободные часы Мигель бродил по улицам древнего города.

На площадях из открытых пастей бронзовых львов неустанно били серебряные струи. Крутые мосты гляделись в жёлтые воды Тибра. Рим восхищал Мигеля величием своих руин, великолепием мраморных обломков. Холм Квиринальский, поле Марса, Латинские ворота — самые названия улиц казались Мигелю живой историей.

Всё это время он много читал и учился. Была неделя, когда Мигель ходил, как одержимый: он прочёл «Освобождённый Иерусалим» на итальянском языке.

Мигеля поражали вечно оживлённая, жестикующая, страстная речь итальянцев и простота их уличной жизни. Он вспоминал города родной Кастилии,

закрытые двери, занавешенные окна, дома, похожие на монастыри, монастыри, похожие на крепости. Вспоминал мрачные фигуры испанских идалго, их чёрные плащи, их гордую походку и сдержанную, медлительную речь. Дома только иногда, через случайно приоткрытую на улицу дверь, можно было увидеть угол внутреннего дворика, где замкнуто протекала жизнь семьи. А здесь, в Италии, в узеньких улочках окна глядели в окна; соседки, высовываясь до пояса, во всеуслышание делились новостями, а развешанное тут же на протянутых верёвках бельё словно подчёркивало это отсутствие тайн друг от друга.

Мигель возвращался домой и находил требовательного Аквавиву, сплетничающих слуг, просительные глаза дожидающихся в приёмной.

Прелат одевал своих приближённых в нарядные, расшитые камзолы, но кормил плохо. Мигель не раз ловил себя на том, что он с завистью смотрит на нищего, жуящего выпрошенную макаронину, блестящую от масла.

Но очень скоро скучные политические разговоры в приёмных Аквавивы приобрели для Мигеля неожиданную остроту.

На Средиземном море готовилась неслыханная схватка народов.

Турки давно угрожали с моря всей южной Европе. Молодая Оттоманская империя, хорошо овладев европейским военным искусством, стремилась к захвату новых земель, к главенству на Средиземном море.

Первым большое наступление повёл турецкий султан Селим II. Он высадил войска на острове Кипре и объявил войну Венеции.

Венецианские купцы всполошились. Послы республики поспешили ко всем европейским дворам.

«Христианнейшему» королю Франции, Карлу IX, было не до турок. Он слишком занят был резнёй с гугенотами, врагами католической церкви, чтобы рискнуть на морскую авантюру.

Елизавета английская не хотела вступать в невыгодную войну. Её берегам не угрожали турки; о чём же беспокоиться?

Молодой король португальский, Себастьян, рад был бы помочь Венеции — ряд торговых договоров и взаимных льгот в морской торговле связывал обе страны, — но по его земле ходила чума, народ косило на улицах, и португальские галеры стояли в Лиссабонской гавани без команды, без гребцов. Король не решился вступить в войну: он боялся народного возмущения.

Венецианские послы уже начинали приходить в отчаяние. И вдруг ближайший сосед и старый враг, папа римский, предложил союз и помощь.

Папа Пий V понимал, что разгром, соседней Венеции был бы и его собственной гибелью. А за папой и король испанский, Филипп, испугавшись за свои итальянские владения, вступил в союз против турок.

С такой могущественной союзницей, как Испания, война с турками начинала походиться на объединённое наступление христианского мира на мир мусульманский, европейского — на азиатский. Крест шёл войной на полумесяц.

Едва пошли разговоры о войне, Мигель потерял покой. По ночам ему снились морские бои, обстрелы, пираты, подвиги... А когда командующим объединёнными силами был назначен молодой и популярный в народе дон Хуан Австрийский и испанские пехотные полки начали высаживаться в итальянских портах, служба у Аквавивы стала Мигелю совершенно нестерпимой. Он скинул расшитую куртку пажа, надел свой старый плащ и, не спросясь, ушёл из дома прелата.

На всех площадях стояли столы для записи солдат. Мигель не решался подойти к ним. Может быть, едва он назовёт своё имя, его закуют в цепи и посадят грести на галерах. Мигель бродил по улицам и ждал случая.

И случай пришёл.

Из дешёвой траттории¹² на улице Сан-Пьетро вышел подвыпивший испанский солдат. Он слегка хромал, и безобразный багровый шрам пересекал его лицо от угла рта к виску. Солдат был сердит. Дома товарищи так много наговорили ему о прелестях итальянской жизни, уверяли, что в Италии самое лучшее вино, самые красивые девушки в мире. Сказки! Здесь, в Риме, толстый трактирщик налил ему кислого вина кианти, а его растрёпанная и грязная дочь подала немывтые кружки.

Солдат разругался с трактирщиком и сейчас искал, на ком бы сорвать досаду.

У дверей трактира стоял какой-то голодный на вид парень, видимо из здешних оборванцев, с бледным, худым лицом и закинутыми назад тёмными волосами. Солдат повернулся к нему, подбирая в уме итальянские слова, чтобы обругать хозяина траттории, а заодно с ним и всех итальянцев, и вдруг застыл.

Застыл и оборванец.

Секунда — и оба кинулись в объятья друг к другу.

— Мигель!

— Родриго!

— Как ты попал сюда?

— Как ты попал в Рим?

Забыв досаду, Родриго потащил брата в ту же самую тратторию и попросил того же кислого вина, из-за которого только что поругался.

— Мой полк идёт из Фландрии, и послезавтра мы отплываем, — сообщил он брату.

— Сколько лет мы не виделись! — сказал Мигель. — Я думал, что ты уже получил капитана.

— Повышение получает тот, кто имеет покровителей! Вот мои солдатские повышения! — И Родриго указал на ужасный шрам на лице, на не гнущуюся в колене ногу.

— Что у тебя, Мигель? — переменял Родриго неприятный разговор. — Я слышал дома о твоих делах, когда был в отпуску.

И он передал Мигелю добрые вести. Антонио де Сигура, оправившись от раны, уехал в Новый Свет. Маркиз де Иварра умер. Дон Лопес пустил в ход все свои связи, и дело Мигеля замяли.

— Это значит, что ты можешь возвратиться на родину, — закончил Родриго.

— Нет, это значит, что я могу записаться в армию, — сказал Мигель.

— Как? — удивился Родриго. — А твоя учёная карьера?

— Это мечты отца. Бог с ними, — отмахнулся Мигель.

— А книги? А стихи?

— Перо не тупит меча, меч не тупит пера! — ответил Мигель кастильской пословицей.

— Очень хорошо! — обрадовался Родриго. — Тогда записывайся сейчас же. И постарайся попасть в мою роту. Помни: полк Мигеля де Монкада, рота Диего де Урбина.

Две недели спустя, 15 сентября 1571 года, братья отплывали с союзным флотом из

¹² Траттория — кабачок.

Мессинской гавани на галере «Маркеза».

Глава одиннадцатая

Лепантский бой

Галера шла под командой генуэзца Дориа.

Все генуэзцы на галере задирали носы и рассказывали об удивительных подвигах своего славного флота.

— Мы били Венецию, били португальцев, побьём и турок, — хвастали генуэзцы.

Но сам Дориа ходил мрачный или сидел запершись в кормовой башне с Диего де Урбиной, командиром испанской терции.

Турок били на суше, и не раз, но ещё ни одно европейское судно не одержало победы над турками в морском бою.

У султанских морских командиров была своя особая тактика — они наступали одной сомкнутой цепью, соединив галеры. Турки кидались в атаку, как одержимые, и, сколько бы их ни убивали и ни скидывали в море, на смену упавшим янычарам тотчас являлись другие, точно сама пучина морская выбрасывала их обратно.

На море неверные непобедимы — такая слава шла о султанских галерах по берегам Италии и Испании.

Мавры, пленники итальянского флота, прикованные цепью к полу, молча закидывали в воду тяжёлые вёсла. Они гребли и слушали разговоры христиан.

— Четырнадцать тысяч пленных испанцев и итальянцев гребут на турецких галерах, — бодрились генуэзцы. — Едва начнётся бой, все христиане на турецких судах разом положат вёсла и ударят неверным в тыл!

Неожиданно в самом начале октября настали холодные дни, задул северо-восточный ветер и на море поднялось волнение.

Что-то непонятное творилось с Мигелем со дня отплытия: каждый вечер на закате у него начинался озноб, ужасная боль сверлила виски, в ушах шумело. Ночью он не мог уснуть, а наутро вставал с трудом, перемогая себя: плохо держали ноги.

Качка усиливалась, и настроение на «Маркезе» падало.

— Нет, на море турок не сломить — галеры с полумесяцем заклеты дьяволом. Сам нечистый ворожит своим сынам!

Ветер дул неблагоприятный для союзного флота.

Родриго Сервантес, слегка закидывая вбок всё ещё плохо гнущуюся ногу, бродил вдоль бортов и вступал в разговоры.

— Наш добрый король Филипп не допустит, — уверял Родриго, — чтобы неверные измывались над святым крестом... Ещё тридцать галер стоят наготове в испанских портах, и две большие каравеллы снаряжают нам на подмогу в Валенсии.

Мигель не вмешивался в разговоры. Он лежал у себя в кормовом помещении и только изредка выходил на палубу. Его трясла лихорадка.

У кефалонских берегов вахтенный глухим голосом крикнул из бочки, привязанной к мачте:

— Судно с бакборта!..

Итальянский бриг салютовал передовому союзному фрегату. Разбитый, со сломанной бизань-мачтой и пробитой кормой, он с трудом прорвался сквозь цепь турецких судов. Неприятельский флот был близок.

Но ветер дул неблагоприятный, и только через шесть дней, 7 октября, недалеко от Лепанто, впереди показались чужие паруса. На адмиральском судне грянул пушечный

выстрел, и боевое знамя взвилось над флотом.

Это было сигналом к битве, но она ещё не начиналась. Дул противный ветер и не давал судам наступать одной сомкнутой линией.

Когда же, наконец, начался бой, Мигель лежал пластом на своей койке.

Три недели на море, качка, переменный ветер, лихорадочное ожидание встречи с неприятелем сделали своё дело: Мигеля трясла жестокая нервная лихорадка. Родриго и товарищи Мигеля торопливо затягивали пояса, проверяли мушкеты и шли наверх получать распоряжения от капитана. А Мигель лежал без сил, прикованный к койке.

Дымные облачка первых пушечных выстрелов уже поднялись над морем, и с «Маркезы» спустили девятую вооружённую шлюпку, когда на палубу, шатаясь, вышел Мигель Сервантес.

— Капитан! — сказал Мигель. — Дайте мне людей и шлюпку.

— Вы больны, идите вниз! — ответил Диего де Урбина.

— Мои товарищи идут в бой, я пойду с ними! — резко сказал Мигель. — Я достаточно здоров, чтобы драться, капитан!

— Он бредит! — крикнул Родриго. — Отправьте его вниз!..

Диего де Урбина, старый испанский воин, внимательно посмотрел в лицо Мигелю.

— Дайте ему шлюпку! — неожиданно распорядился Диего.

Мигелю дали шлюпку и двенадцать человек команды.

Ветер благоприятствовал туркам, но утреннее солнце било им прямо в глаза. Турецкие галеры наступали сомкнутой цепью, связавшись канатами и соединив вёсла, чтобы враг не мог прорваться сквозь них. Такая наступающая цепь судов казалась непобедимой.

Смелому турецкому генералу Эулдж-Али удалось сразу отрезать и окружить левое крыло союзного флота, и «Маркеза» оказалась в самом жарком месте боя. Мигель видел, как соседняя неаполитанская галера, получив два ядра в корму и одно в центр, разом раскололась и ушла под воду. На «Маркезе» запылал настил на носу. Люди успели потушить огонь, но новое ядро пробило левый борт. Галеры одна за другой загорались. Выбив из строя артиллерийским обстрелом почти половину союзных судов, Эулдж-Али скоординировал атаку.

Туча вражеских лодок устремила на испанские суда. Теперь бой шёл уже вплотную. Бились на бортах кораблей, бились на узких сходнях, переброшенных на вражеское судно, бились на лодках. Тёмная вода, окрашенная кровью, кипела у бортов. Канониры, оставив уже не нужные пушки, поливали нападающих жидким мылом, негашёной известью; в сумятице, в дыму, оглушённые, ослеплённые, люди срывались со скользких бортов, падали в воду, цеплялись и лезли снова.

Большая египетская галера подступала к «Маркезе». Шлюпка Мигеля Сервантеса покачивалась вместе с другими на канате у своего судна. «Вперёд!» — скоординировал Диего де Урбина. Высокий вал поднял на гребень неприятельскую лодку, и Мигель увидел над собой, совсем близко, белые и полосатые тюрбаны и тёмные лица турок. «Вперёд!» — крикнул Мигель. Шлюпка двинулась на всю длину каната, и Мигель встал, чтобы первым прыгнуть в неприятельскую лодку. Пуля ударила его в плечо, но он не почувствовал боли. Он видел, как свалился солдат на носу, и подскочил, чтобы взять весло из рук убитого. Ещё одна пуля скользнула по его кожаной безрукавке, потом третья с силой ударила в грудь, и Мигель, потеряв сознание, упал на дно шлюпки.

Ветер переменялся и подул в другую сторону. Теперь он дул с северо-запада и гнал

союзные корабли прямо на турецкую цепь. Подоспели сильные резервы под командой маркиза де ла Крус. Сомкнутая цепь турецких судов дрогнула и подалась. Крепнувший противный ветер сбил их в беспорядочный полукруг. Тактика сомкнутого наступления была хороша для движения вперёд, но не для лавирования под ветром. Сцепленные суда загорались одно за другим. Союзный флот пошёл в контратаку, и турецкие корабли, разбитые, обезлюдевшие, один за другим начали сдаваться в плен.

Мигель ничего не видел. Его перенесли на «Маркезу», и он лежал на палубе в полузабытьи, с раной в груди, с пробитым плечом. Лихорадки, трясшая его с утра, сменилась слабостью. Он слышал торжествующие крики. Союзный флот праздновал победу. Четырнадцать тысяч невольников, гребцов турецкого флота, получили в этот день свободу. Мигель услышал, как несколько пушек разом выстрелили в воздух, раздался ликующий крик, и, с трудом приподнявшись на локте, он увидел впереди, на мачте адмиральского судна, отрубленную голову Али-паши, турецкого командующего.

Это было последнее, что видел и помнил Мигель Сервантес о знаменитой Лепантской битве.

В кормовую башню его отнесли уже в бессознательном состоянии. Раны были тяжёлые, скоро вернулась лихорадка. Мигель бредил в жару, никого не узнавал. Позднее товарищи рассказали ему, что сам главнокомандующий союзным флотом, дон Хуан Австрийский, побочный брат короля, подходил к его койке. Дон Хуан похвалил Мигеля Сервантеса за храбрость.

За полученные в бою раны светлейший дон Хуан велел выдать Мигелю сверх жалованья четыре дуката прибавки.

Полгода провалялся Мигель на госпитальной койке в Мессине. Пулю вынули, рана в груди затянулась. Но связки плечевого сустава были повреждены непоправимо, и рука повисла навсегда.

Лепантская победа стоила Сервантесу левой руки.

Глава двенадцатая

Галера «Солнце»

Мирная галера «Солнце» шла из Неаполя в Барселону.

В кормовой части, под навесом, сидели два солдата: Родриго Сервантес и его брат Мигель, с подвязанной рукой.

Два драгоценных письма к маркизу де ла Крус лежали у Мигеля в сумке: от герцога де Сеса и от самого дона Хуана Австрийского.

Светлейший дон Хуан и неаполитанский герцог рекомендовали Мигеля Сервантеса маркизу как опытного воина и храброго кабальеро.

— Клянусь, на этот раз маркиз де ла Крус даст тебе чин капитана, — говорил Родриго Мигелю.

Стоял сентябрь — прозрачные солнечные дни, тёплые ночи. Попутный ветер подгонял судно, которое везло братьев к берегам родины.

Почётные раны — «звёзды, ведущие к славе» — украшали грудь Мигеля. Он ехал на родину заслуженным воином, героем Лепанто.

В первый раз за долгий промежуток Мигель сидел на борту мирного судна. Пять с лишним лет он провёл в боях на Средиземном море.

Он бился под Наварином, на Корфу, в Тунисе. Он защищал крепость Голету и форт возле неё, на африканском берегу. Он пережил всю осаду крепости, жестокие

обстрелы, тревожные ночи. Он видел и последнюю атаку, когда из семисот оставшихся в живых защитников крепости не было ни одного, не получившего ран.

— Я много видел, — сказал Мигель брату. — Теперь я буду писать.

Они сидели с Родриго на палубе «Солнца» и глядели в ночную темноту.

— Я буду писать, Родриго, — сказал Мигель. — Я потерял левую руку, зато смогу прославить правую.

Оба брата смотрели в темноту ночи и не видели, какая опасность подстерегает их.

Турецкие пираты, потушив огни, всю ночь гнались за «Солнцем» по морю. Мирная галера с грузом шёлковых тканей обещала хорошую добычу. Наутро пятнадцать турецких галеотов окружили «Солнце».

«Галера называлась «Солнце», и оборотной стороной этого солнца была моя чёрная судьба», — писал Мигель Сервантес несколько лет спустя, уже в Алжире.

Будь сильный восточный ветер, галера могла бы ещё уйти, но за ночь ветер стих.

Люди на «Солнце» с трепетом считали пиратские суда. Принимать бой было безумием — одному против пятнадцати!

На ближнем галеоте спустили шлюпку. Несколько пиратов подплыли на шлюпке для переговоров.

— Сдавайтесь без боя, трусы!..

Капитан «Солнца», старый испанец из Гвадалахары, выбежал на корму.

— Огонь! — закричал капитан. — Принимаю бой!..

Единственная пушка галеры повернулась против самого большого из пиратских судов, и начался бой.

И ещё раз, как уже много раз прежде, пришлось Мигелю Сервантесу стать рядом с товарищами на узкую доску на носу галеры.

Но силы были слишком неравны. Шесть галеотов с обеих сторон подошли вплотную к бортам галеры и перекинули сходни на палубу. После отчаянной борьбы оставшихся в живых испанцев связали и перевели с галеры на пиратское судно.

Их бросили в тесную клетку в подводной части галеота, недалеко от кормы. Здесь помещали людей и скот, захваченный на европейском побережье.

Одиннадцать дней провалялся Мигель на полу, в грязи и навозе, почти без пищи, рядом с больными и ранеными пленниками.

Раз до них донёсся шум битвы, выстрелы, проклятия. Потом началась лихорадочная гонка. Вёсла били по воде, вздрагивал и трясся корпус галеота.

Это пираты уходили от неудачного столкновения с каким-то судном.

На двенадцатый день открыли подъёмную дверцу. Свет и солёный морской воздух проникли сверху, сквозь отверстие. Турки палками растолкали пленных.

Сервантес вышел вслед за другими. Утренний свет ослепил его. По палубе бегал, распорядясь, невысокий человек с широкой бородой и глазами навывкате. Он ругался сразу на трёх языках: итальянском, греческом и турецком.

— Берегись Хромого! — шепнул Сервантесу один из пленников.

Мигель вздрогнул. «Хромой», Эль-Кохо, был знаменитый на Средиземном море пират, грек, бежавший к туркам.

Пленных обыскали. У Сервантеса забрали его письма. Хромой, или Дали-Мами, как называли его турки, окинул Сервантеса острым взглядом и велел отвести в сторону с тремя другими. Только потом, на суше, Мигель узнал, что это значит.

— Ведите следующих! — сказал Дали-Мами.

На палубе раздались крики.

Сервантес огляделся. Гребцы глядели все в одну сторону. Галера шла тихо, точно опасаясь береговых камней. Сервантес посмотрел туда, куда смотрели все.

Сквозь утренний туман белели разбросанные по каменным уступам дома большого восточного города.

Это был Алжир, гнездо турецких пиратов.

Глава тринадцатая

В плену

Широкий двор обнесён каменной стеной. Под навесом лежат больные, там тяжёлый воздух, стоны, духота, насекомые. Это баньо, общая тюрьма для европейских рабов.

Сюда привели новую партию пленников. Юсуф, громадный турок в полосатой чалме, с серебряными кольцами в ушах, надел одним наручниками, другим ножные кандалы.

Дали-Мами, хозяин, пришёл для окончательного осмотра и распределения.

Хромой злился. Последняя поездка была так неудачна! Два десятка рабов, да и те худые, больные, истощённые. Никто не купит их и на женскую работу — толочь маисовые зёрна в деревянной ступке.

— Кем ты был на родине? Капитаном? Командиром полка? — угрюмо подошёл он к Мигелю.

— Простым солдатом, — ответил тот.

— Ты начинаешь со лжи! — вскипел Хромой. — Простому солдату сам адмирал не стал бы давать писем!

— И всё же я только солдат, — повторил Мигель.

— Все вы лжецы и собаки, притворяетесь бедняками, простыми солдатами! Вы хотите, чтобы за вас назначили самый низкий выкуп. Но меня ещё никто не обманул! Юсуф! — крикнул Дали-Мами сторожу, указывая на Сервантеса. — Это важный, человек в своей стране, большой командир и приближённый самого короля! Отведи его в королевское баньо.

И Сервантеса с двумя другими отвели на соседний двор, поменьше, в королевскую тюрьму. В королевской тюрьме томились особенно важные, особенно тщательно охраняемые пленники. В королевской тюрьме или дожидались выкупа, или умирали.

Первые несколько дней Мигель провёл в оцепенении. Он лежал на камнях, в теновом углу двора, ничего не ел и тупо смотрел в стену. Какой страшный конец после всего, что обещала судьба: плен в диком африканском городе, рабство в Алжире! Он лежал и перебирал в памяти годы после Лепантской битвы: Наварин, Тунис, Оран...

Оран! Последнее название остановило чем-то его.

Оран! Единственный пункт на африканском берегу, оставшийся за испанцами после разгрома испанской армии! В Ороне сорок семь пушек и тысяча восьмьсот человек гарнизона! В Ороне половина населения — испанцы. Из Орана в тихую погоду можно за двое суток на простом баркасе добраться до берега Испании!

С этого дня одна мысль — мысль о побеге — целиком завладела Сервантесом и не оставляла его.

Оцепенение прошло.

Теперь он уже не лежал, а шагал, лихорадочно шагал взад и вперёд по двору тюрьмы.

Прежде всего ему нужны были сообщники. Он начал присматриваться к

пленникам. Были здесь и испанцы. Победители мира, они даже здесь, в плену, держались особняком и, в цепях и лохмотьях проходя по тюремному двору, церемонно здоровались друг с другом.

Это была группа старых, отчаявшихся пленников. Надежда на возвращение была слишком слаба, и они всеми силами держались здесь друг за друга. Выброшенные из жизни, они жили интересами старой Испании, той Испании, которую они покинули много лет тому назад. По вечерам они садились в углу двора и, завернувшись в обрывки плащей, спорили о причинах отречения от престола короля Карла или ругали трусливого и жестокого Филиппа.

— Филипп льёт испанскую кровь на землю христианской Фландрии, — толковали испанцы. — А сюда, в Алжир, где томятся тысячи несчастных христиан, не хочет послать и малой армии.

— Алжир так плохо укреплён — пяти тысяч добрых испанцев довольно, чтобы взять город и форты, низложить пашу, освободить двадцать тысяч христиан, томящихся в неволе...

— Покойный король наш, счастливейшей памяти **непобедимый** Карл Пятый, давно уничтожил бы это корсарское гнездо.

Сервантес решился. Он рассказал соотечественникам о своём плане.

— Вы хотите бежать? — спросил самый старый пленник, Бельтран де Сальто, поднимая на Мигеля поблекшие от чужого солнца глаза. — Я сам хотел бежать, когда был молод.

Он откинул прядь седых волос и показал Мигелю безобразный стянутый рубец на месте уха.

— Вы хотите бежать в Оран? — сказал другой пленник, Осорио. — Четыре испанца пытались бежать в Оран полтора года тому назад. Их вернули и посадили на кол.

— Две дороги ведут в Оран: одна сушей, другая морем, — сказал третий, Наваррет. — Берег охраняют янычары и сторожевые суда, а сушей...

Но кто же решится двинуться сушей — семьдесят лег,¹³ десять дней пути по незнакомым местам, по безводной степи...

— Всё дело в проводнике, — сказал Сервантес. — Я найду его!

Пищу пленникам разносил Исахар, мальчишка-негр, с курчавой головой и белыми, как сахар, зубами. Ещё совсем маленьким Исахара привезли вместе с отцом арабы после одного из своих разбойничьих налётов внутрь страны. Отца продали на галеры в гребцы, а Исахара насильно обратили в мусульманство и заставили помогать сторожам при королевской тюрьме. Мусульмане чуждались негра, как «нечистого». Мальчик жил не в общем помещении со стражей, а в крохотной каменной сторожке в углу двора, с единственной дырой для двери и окна.

В печальных коричневых глазах негритёнка Сервантес прочёл тоску и желание убежать. Ночью он прокрался к конуре Исахара. Тот молча выполз, и оба прошли треугольник чёрной тени позади сторожки.

— Исахар, — сказал Сервантес, — ты слыхал об Орানে?

— Оран? Я знаю Оран, Серванти, — ответил Исахар. — Десять франкских¹⁴ рабов

¹³ Около трёхсот километров.

¹⁴ Франками в Алжире называли всех европейцев.

два года тому назад бежали в Оран и не вернулись. Кости их потом нашли в пустыне.

— А дорогу пустыней в Оран ты знаешь, Исахар?

— Пустыня! — сказал Исахар, и глаза его расширились от страха. — Пустыня! Там красные пески, и жёлтые пески, и серые пески, пески смерти. Никто ещё из франкских рабов не вернулся оттуда, Серванти. Только здешние люди знают дорогу в Оран.

Мигель взял мальчика за руку.

— Исахар, ты хочешь быть свободным? — спросил Мигель.

— Хочу, Серванти.

— Приведи мне такого человека, и я возьму тебя с собой.

— Я завтра приведу его к тебе, Серванти!

Глава четырнадцатая

Оран

Алим, молодой араб с круглым добродушным лицом, очень быстро согласился отвести пленников в Оран, только запросил много денег — семьдесят червонцев. Испанцы, заразившиеся энтузиазмом Сервантеса, быстро собрали деньги.

Всего шло девять человек: Сервантес, Исахар, Риос, Наваррет, Бельтран де Сальто, Осорио, Менесес, Родриго и Габриэль Кастаньеда, старый товарищ по морским походам, вместе с братьями попавший в плен. С Родриго и Кастаньедой, оставшимися на общем дворе, связь держал Исахар.

Старый Бельтран де Сальто только в вечер накануне бегства подошёл к Сервантесу.

— Возьмите и меня, кабальеро, — глухо сказал Бельтран. — Мне недолго осталось жить, а смерть в неволе страшнее пустыни.

Пленники-старожилы давно уже пользовались правом в дневные часы уходить из тюрьмы в город. За несколько аспр¹⁵ такое же разрешение получил и Сервантес. Сторожа были спокойны: пустыня вокруг Алжира стерегла пленников лучше, чем высокие каменные стены.

Они вышли днём, в разные часы, чтобы не возбудить подозрений. На рынке они запаслись сухарями, вяленным мясом, лепёшками. Алим добыл два меха с водой. В условленный час, к вечеру, все собрались у Баб-эль-Уэдских ворот, в самой высокой нагорной части города. Не пришёл только Исахар. Его подождали с полчаса. Алим торопил пленников, и пришлось двинуться без мальчика.

— Кого ведёшь? — крикнул Алим у янычар, дремавший у ворот.

— Партию невольников, закупленную мною по поручению моего господина, благочестивого Али-Марада, для постройки его нового дома в Эль-Адаре, — быстро ответил Алим и опустил серебряную монету в руку янычара.

Тот закивал головой и пропустил пленников.

Они шли сначала мимо мусульманского кладбища, белевшего в темноте треугольными надгробными камнями, потом свернули налево и начали подыматься в гору. Все молчали. Только изредка в тишине хрустели камешки или шуршал крупный песок, осыпавшийся под чьей-либо ногой.

Вдруг быстрые шаги послышались сзади, и худенькая рука коснулась локтя Сервантеса.

¹⁵ Аспра — мелкая монета.

— Исахар! — едва не вскрикнул Мигель, быстро обернувшись.

— Да, это я, Серванта... Я ждал, когда заснёт Юсуф. Смотри, что я стащил у него!

Мальчик совал ему что-то в руку. В темноте Мигель нащупал холодный ствол мушкета.

Алим шёл впереди и указывал дорогу. Скоро он нырнул в узкое ущелье. Все шли за ним по крутой тропинке у самого края горы. Небо наверху казалось узкой полоской, усеянной яркими точками неравной величины.

К рассвету они начали спускаться, и на восходе солнца медно-жёлтое алжирское плоскогорье, прорезанное кое-где невысокими грядами красноватых скал, открылось перед ними.

Почти триста километров предстояло им пройти по каменистой, сожжённой солнцем, безлюдной стране.

Они шли не быстро, сберегая силы, и самый тяжёлый груз, воду, несли по очереди. Часов в одиннадцать сделали привал и переждали самые жаркие часы. Все были молчаливы, пытался болтать только Алим, но ему никто не отвечал. К вечеру Алим сделался беспокоен. Он начал настойчиво озираться по сторонам.

— Чего ты ищешь? — спросил у него Кастаньеда.

— Удобного места для привала, — неохотно ответил араб, отводя взгляд в сторону.

Солнце зашло, и ночь настала сразу, словно чёрная крышка опустилась над пустыней. Путники выбрали место в небольшой котловине с песчаным дном, заросшим алоэ, и расположились на ночь.

Исахар и Осорио пошли за кустарником для костра. Сервантес с Кастаньедой распределили припасы. Всем досталось по куску вяленой баранины, по две лепёшки и по несколько глотков воды.

Кругом бродили хищные звери, огонь надо было поддерживать всю ночь. Измученные трудным переходом, все скоро свалились и уснули. Только Сервантес и проводник остались у костра.

Мигель подбрасывал сухие ветви в огонь. Алим не спал и смотрел на него.

Шакалы выли далеко в пустыне. Свинцовой усталостью наливалась голова Мигеля.

— Поди спать, я посижу у огня, — предложил Алим.

— Нет, я не устал и не хочу спать, — сказал Мигель, встряхивая тлеющие угольки костра.

«Что он задумал? — гадал Мигель, глядя на беспокойные чёрные глаза проводника. — Что он хочет сделать? Выдать нас хозяину и получить деньги? Или продать в пустыне кочевым арабам?»

Мигель проверил мушкет и положил его возле себя.

По тлеющим угольям переливались огоньки и плели странный узор. В нём Мигель видел знакомые фигуры, корабли, оружие... Антонио де Сигура с криком выхватывал блестящую шпагу и кидался на него. Морские волны рассыпались серебряной пылью перед носом галеры «Солнце». Неприятельский фрегат поворачивался боком, и по всей линии борта пушки разом выбрасывали красное пламя...

Сервантес вздрогнул и проснулся. Предрассветный ветерок бежал по верхушкам алоэ. Ночное небо точно отодвинулось выше и посветлело.

Все спали, как убитые, кругом костра. Алима не было.

Проводник и не думал выдавать пленников Хромому или продавать кочевым арабам. Алим попросту ни одной минуты не верил в выполнимость затеи Сервантеса. Получив деньги, он убежал, забрав часть провизии и один из мехов с водой. Араб

надеялся, что пленники сами как-нибудь уж доберутся обратно в Алжир.

Мигель разбудил всех и поднял тревогу.

Надо было решать: поворачивать обратно или идти вперёд.

— Идти вперёд, — сказал де Сальто.

— Мы не знаем дороги! — сказал Осорио.

— Мы одинаково не знаем её и назад, — возразил Кастаньеда.

Единственный человек, который в общих чертах знал прибрежную полосу пустыни, был Франциско де Менесес.

— Если мы будем идти в этом же направлении, на запад, параллельно берегу моря, — объяснил он, — то меньше чем через три дня доберёмся до реки Хелифа. А на три дня воды нам хватит.

Решили идти вперёд.

Хелиф — многоводная река, единственная река на алжирском плоскогорье, которая не теряется в песках, а добегают до моря. За ней лежат лесистые высоты Уарсениса, где много воды, где есть селения мирных арабов. Может быть, арабы помогут им и укажут путь дальше в Оран.

Они шли весь день, сберегая силы и воду, и на ночь расположились у костра.

Всю ночь неподалёку выла бродячая пантера, жалобно кричали шакалы, и тяжёлое беспокойство томило Мигеля.

Утро настало раскалённое. Душное солнце поднялось и повисло в неподвижном небе. Путники шли вперёд всё в том же направлении. Родриго нёс драгоценный груз — воду. В полдень каждый получал по два глотка мутной тепловатой жидкости.

После полудня поднялся ветер. Он дул из глубин материка, душный, иссушающий ветер, дыхание Сахары. Ветер — симун — нёс с собой пыль пустыни и заволакивал этой пылью всё вокруг. Небо окрасилось в серый цвет, солнце заволокло и потускнело, все краски поблекли, только мёртвая свинцовая степь виднелась вокруг.

Они с трудом прошли так несколько километров, и вдруг Сервантес остановился.

Симун, ветер с юга, дул им прямо в лоб. Значит, они в облаках пыли незаметно свернули с правильного пути и движутся не на запад, как предполагали, а на юг, в глубь материка. Бог знает, сколько они уже так прошли и в каком расстоянии от них Оран!

Снова начался совет: как найти дорогу, куда теперь повернуть?

— В прямо противоположном направлении, — решительно сказал Франциско де Менесес. — Мы не найдём пути в этой мёртвой пустыне. Нам надо идти прямо на север и выходить к морю. Мы почти всю дорогу шли параллельно морю и не могли ещё уйти далеко от него.

Повернули на север. Шли вереницей, один за другим. Оглядываясь, Сервантес видел посеревшее лицо Исахара, едва переставлявшего ноги.

«Если кто-нибудь из нас упадёт, мы погибли», — подумал Мигель.

Бельтран де Сальто шагал впереди, прикрыв голову и плечи обрывком плаща, — прямой, худой и спокойный, как на улицах Толедо. Осорио брёл сзади и всё время жалобно просил пить. Родриго отрицательно качал головой: воды на дне меха оставалось слишком мало, меньше, чем они рассчитывали.

На заходе солнца Родриго заметил муфлона на склоне холма. Лёгкими прыжками добравшись до вершины, горный козёл остановился и поднял голову. Его большие круглые рога отчётливо выделялись на фоне багрового неба. Родриго выстрелил. Муфлон вскинул голову и упал на передние ноги, но потом поднялся и побежал прочь,

всё время припадая на передние ноги.

В этот вечер на привале Мигель роздал всем по последнему глотку воды.

Ему казалось, что утра не будет. Он потерял счёт времени. Но утро встало сухое и раскалённое, и они опять зашагали вперёд.

Бельтран де Сальто опять шёл впереди, такой же прямой и невозмутимый, но его воспалённые глаза и синие, пересохшие губы были страшны.

Осорио плёлся позади и жалобно стонал. Сервантес уже не оглядывался на него.

Исахар шёл рядом, полузакрыв глаза, и молча жевал краешек своего бурнуса.

Только сейчас заметил Мигель, как медленно они идут. Они тратили столько усилий, что казалось, будто прошли десятки километров, в действительности же два — три, не больше.

Вдруг Исахар вздрогнул и протянул руки.

— Вода! — крикнул Исахар и, пошатываясь, неровными шагами побежал вперёд.

«Потерял рассудок... Бредит...» — с тревогой подумал Мигель.

Но через полминуты все увидели впереди то, что первыми разглядели зоркие глаза мальчика: голубовато-серую полосу степного уэда.

Люди добежали, доползли до него по вязкой почве и надолго припали к солоноватой, тёплой от солнца воде.

Потом они наполнили мехи и весь день провели на берегу уэда.

К вечеру вдали, из-за гряды скал, потянулись, спускаясь в котловину, горбатые спины верблюдов, люди в белых и жёлтых бурнусах с чёрными каймами...

Беглецы не хотели встречи с разбойничьими кочевыми арабами. Склон зарос густым кустарником. Они залегли в нём и наблюдали.

Караван спустился к воде. Арабы, видимо, возвращались из «гаррамы» — разбойничьего набега на негритянские деревни. Тяжёлые тюки со слоновьими клыками, связки растений и цветные циновки висели по обеим сторонам верблюжьих горбов. Сверху, на тюках, связанные попарно, лежали, едва живые, чёрные женщины и дети. Мужчин гнали пешком; исхлётанные в кровь спины, закованные в цепи ноги яснее слов говорили о том пути, который людям приходилось проделывать из родной деревни в приморский город на невольничий рынок.

Арабы поили верблюдов и варили кофе; до поздней ночи не смолкали их гортанный говор и крики; потом затихли, а рано утром, почти ночью, двинулись дальше в путь.

Едва исчез первый, из-за гряды скал показался второй караван.

— Мы на караванной тропе! — сказал Франциско де Менесес. — Здесь должен лежать путь к какому-нибудь большому городу: Богару, Мостаганему. Надо идти за ними вслед.

Второй караван скрылся в том же направлении, что и первый. Беглецы пошли по следам каравана. Они шли так до полудня. Скалы громоздились всё чаще и выше; на уступах горного хребта справа виднелись белые шатры арабов и карабкающиеся по камням чёрные козы. Тропа постепенно превращалась в дорогу; всё чаще виднелись на ней всадники и группы всадников; она обегала группу высоких скал и дальше подымалась высоко в гору. Бельтран де Сальто бежал впереди. Он раньше других взобрался на скалу, господствующую над местностью, и взглянул вперёд. Взглянул и застыл, и медленно повернул к товарищам лицо, похожее на белую маску.

В несколько прыжков Сервантес был на вершине скалы.

Он увидел море, синий овал знакомой бухты, мол, все семь фортов и двенадцать

мечетей и лестницей поднимающиеся в гору белые кровли домов приморского города Алжира.

Глава пятнадцатая

Цена выкупа

Дали-Мами рвал на себе волосы и считал убытки. Шесть рабов, шесть лучших рабов его королевского баньо ушли в пустыню, исчезли на глазах у всех. Две тысячи червонцев, не меньше, считал он, пропали, протекли сквозь пальцы, как песок.

— Где ты был? — рычал он на Юсуфа. — Ты проспал, шакал! Живым зарюю в землю, забью палками до смерти, — найди!

Юсуф и сам был удручён. Поиски не привели ни к чему. Алжир велик... в нём не одни ворота, а пустыня велика и обширна.

И вдруг все шестеро пленников покорно пришли сами и сели в углу двора.

Что же другое им оставалось делать?

«Изобьют их палками или повесят за ноги? Посадят на кол или просто зарюют по шею в землю?» — мучился сомнениями Юсуф, поглядывая на пленников.

Дали-Мами так обрадовался, что даже не наказал беглецов.

Палки получил только Исахар. Мигель слышал его крики и вой со двора общей тюрьмы. Мальчика притащили окровавленного, потерявшего сознание и бросили в конуру.

Мигель приполз к нему и смазал ему раны оливковым маслом из своего скудного пайка.

— Не плачь, Исахар, — сказал Мигель, — мы ещё уйдём от них.

Ожесточение, какого он не знал раньше, овладело Сервантесом после этой неудачи. Ещё более смелые и безумные планы придумывал он теперь, лёжа ночью без сна.

Остальные пленники потеряли надежду, особенно Кастаньеда. Он ничего не ел, худел и таял на глазах. И неожиданно к Кастаньеде первому пришло избавление.

Старики-родители, добыв где-то денег, прислали ему выкуп. Босоногий монах-францисканец принёс ему золото прямо в тюрьму. Кастаньеда онемел от радости. До самого отъезда у него с лица не сходило выражение счастливого изумления.

С Кастаньедой Сервантес смог, наконец, отправить письмо о себе отцу и матери в Испанию.

К Родриго Сервантесу пришло письмо из Алжира.

— Бедный дон Родриго! Оба его сына, и Мигель и Родриго, попали в плен к пиратам!.. Бедная донья Леонора! Приведётся ли ей ещё увидеть своих сыновей?..

Все друзья и соседи жалели старого дона Родриго.

С минуты, когда получилась страшная весть, дон Родриго не знал покоя. Слёзы он предоставил жене и дочерям — сам торопился действовать.

Две недели метался дон Родриго по городу, ища денег взаймы. Купцы жалели его, но деньги давали туго. Одно честное имя — плохое обеспечение капитала. Только тысячу двести реалов удалось собрать дону Родриго.

— Этого мало, Леонора, — сказал он жене. — Нам нужно вдвое, втрое больше.

Скоплённые ценою долгих лишений, в шкатулке у доньи Леоноры лежали восемьсот реалов, отложенных на приданое обеим дочерям.

Старый идальго смотрел на жену, не смея выговорить то, о чём думали оба.

Стукнула дверь. Старшая, Луиса, давно мечтавшая об уходе в монастырь, стояла на

пороге.

— Отец! — сказала она. — Возьми моё приданое и пошли братьям. Зачем оно мне? Я не буду жить в миру.

— Возьми и моё, отец! — послышался вздрагивающий от рыданий голос.

Кудрявая Андреа глядела из-за плеча сестры. Ей отказ от будущего был труднее. На круглых щеках девушки пропали ямочки, и слёзы катились из тёмно-карих глаз.

— Возьми и моё приданое, — сказала Андреа и, не договорив, громко всхлипнула и убежала к себе.

Но и этого было мало.

Для выкупа надо было послать не меньше трёх тысяч реалов.

Дон Родриго продал дом, продал огород и маленький виноградник возле дома, продал коз, убогую мебель и утварь из своего жилища.

Чтобы спасти сыновей, вся семья становилась нищей.

Когда всё было продано и Родриго Сервантес с женой сели на пороге дома, который уже больше не принадлежал им, долго крепившаяся донья Леонора уронила голову на колени и громко заплакала.

— Не плачь, Леонора, — мягко сказал дон Родриго и провёл рукой по волосам жены. — Не плачь. Нам ведь только продержаться, пока приедут Родриго и Мигель.

Мурсийские купцы, ведшие торговлю с портами африканского побережья, на этот раз собрались в путь без обычной проволоочки, и попутный ветер всю дорогу подгонял судно, отплывшее из Аликанте в Алжир. Трёх недель не прошло, и Сервантес получил в своей тюрьме три тысячи триста реалов.¹⁶

Он сам понёс их Хромому.

Грязных, оборванных рабов не пускали в покои Дали-Мами, кроме тех случаев, когда они приносили деньги. Сейчас перед Мигелем раскрылись все двери. Слуга-араб провёл его внутренним двором, по мозаичному полу, мимо затейливого фонтана, в благоуханный полумрак и прохладу крытой мраморной галереи. Хромой сидел на подушках низкого дивана.

— Я принёс тебе деньги за себя и за брата, — сказал Сервантес и протянул греку червонцы.

Не спеша Дали-Мами пересчитал деньги и поднял глаза на пленника.

— Это за брата, — сказал Дали-Мами. — А за тебя?

— Здесь за двоих, — бледнея, сказал Мигель.

— Ты плохо считаешь, — качнул головой Дали-Мами, и усмешка поползла по его лицу. — За тебя одного надо вдвое больше.

— Тебе трёхсот червонцев золотом мало за нас двоих? — сказал Сервантес, невольно подступая ближе к Хромому.

— Ты издеваешься надо мной, однорукий, — сказал Дали-Мами. — Ты считаешь меня дураком. Или я для того четырнадцать лет ездил по морю и топил франкские суда, чтобы не знать цены на лошадей и людей? Ни разу ещё мой глаз не ошибался в пленнике. Или я не вижу, как ты орлом проходишь среди других рабов, как тебя слушаются старики, как тебя боятся даже монахи, ваши испанские монахи, которые не боятся самого шайтана? Ты хочешь, чтобы я поверил, будто герцог Сеса и дон Хуан Австрийский давали секретные письма простому солдату? Ты хочешь, чтобы я выпустил тебя на свободу за жалкую горсть золота наравне с простым калабрийским

¹⁶ Триста червонцев золотом.

матросом? Тебе не дожидаться этого, однорукий.

— Ты хороший купец, Мами, — глухо сказал Сервантес, — но твой расчёт неверен. Я сгнию у тебя в кандалах или убегу.

— Так говорили все и ошибались, — усмехнулся Мами. — Все вы прикидываетесь бедняками. Кто дал триста, тот может дать и пятьсот.

Он протянул руку за трубкой и сел удобнее, чтобы закурить. Поднёс уголёк из жаровни, затянулся сладким дымом, поднял глаза на Мигеля и вздрогнул.

Однорукий был страшен. Жалкий, босой, оборванный, он грозно подступал к нему. Мускулы напряжились на худых обнажённых руках, и даже бессильно повисшая левая словно готова была подняться и нанести удар.

— Моя нищая семья, — сказал пленник, — продала всё, что у неё было, и осталась без крова. Ты не получишь ничего больше, Мами, а потерять можешь много.

Мами поспешил позвать слугу-араба.

— Иди, иди, однорукий, — примирительно сказал Мами. — Казим, проводи его!

Когда шаги Мигеля затихли за дверью, Мами облегчённо вздохнул.

— Позови ко мне Юсуфа, Казим, — устало сказал он слуге.

Две минуты спустя Юсуф стоял перед ним. В чубуке трубки курился уголёк; от него шёл сизый, голубоватый дым. Мами пальцами сдавил уголёк.

— Слушай, Юсуф, — сказал Мами, — этот однорукий испанец — опасный пленник... Очень опасный пленник...

Мами помедлил, протягивая руку к трубке.

— Надень ему кандалы, — договорил он.

— Будет исполнено, господин, — склонился Юсуф, прижав крестом руки к груди.

— И смотри, — заторопился Мами, — чтобы ни шагу за стены, ни слова с другими...

Глава шестнадцатая

Новый план

План был прост и смел. Всё, казалось, было в нём предусмотрено, всё учтено, и всё же пустая случайность, не вовремя прошедший мимо человек могли сорвать план. Половина возможностей — за, половина — против, пятьдесят на пятьдесят.

План требовал времени и хитрости, хитрости и работы, работы и удачи.

Тяжелы железные кандалы в алжирских тюрьмах, но маленькая стальная пилка в терпеливых руках узника упрямее их. Одна ночь, две ночи, десять ночей, — и снимаются цепи. Неслышно ступают босые ноги, карабкаясь на высокую стену. И крепко спят сторожа Дали-Мами, попробовав с вечера запрещённого христианского вина.

Сервантес уходил по ночам за город, искал место, которое отвечало бы его плану. Он бродил по берегу, по самым пустынным участкам взморья.

Ряд условий нужен был Сервантесу: непосредственная близость моря, уединённость места, какое-нибудь прикрытие на долгое время для десяти — пятнадцати человек.

Уже теряя надежду, он шёл однажды по большой дороге обратно в Алжир. Он торопился: восточный край неба светлел, и по морю бежали молочно-сизые полосы, предвестники рассвета. Конский топот послышался позади: это отряд мезвара ¹⁷

¹⁷ Мезвар — городская стража.

возвращался в город с ночного объезда.

Дорога была прямая, без изгиба, без поворота. По обе стороны тянулись невысокие стены чьих-то садов. Мигель перелез через одну из стен и притаился.

Топот приближался. У самой ограды деревья были редки, Мигель зашёл в сад, поднялся на пригорок и спустился, чтобы укрыться по ту сторону пригорка. Он прилёг в самые кусты и едва не вскрикнул. Нога его провалилась во что-то, похожее на яму или на замаскированный вход в пещеру.

Он отогнул кусты, пролез в отверстие и очутился в полутьме небольшого подземного грота.

Отряд проехал. Мигель вышел обратно на пригорок и осмотрелся. Запущенный, видимо давно необитаемый, сад полого спускался от холма к самому морю. Холм прикрывал этот участок взморья с дороги, берег был пуст, и даже ни одной рыбачьей лодки не качалось в этом месте у прибрежных камней. А пещера — укромное убежище для нескольких человек... Это было ещё лучше, чем разрушенный дом, о котором он мечтал.

Сервантес перелез через ограду и поспешил в город, чтобы до восхода солнца попасть в тюрьму, на своё место. Но лазейку в ограде, сад, участок берега и пещеру он запомнил хорошо.

Хуан Мореро, старый раб из Наварры, вставал спозаранку и работал весь день. Хозяин, кади¹⁸ Гуссейн, дал ему так много дела: расчистить все дорожки, окопать клумбы, насадить цветы в его старом, давно заросшем колючками загородном саду на берегу моря.

Всех своих четырёх жён кади переводил на жаркое время в давно оставленный загородный дом и хотел, чтобы за две недели всё было готово. А работы было ещё так много!

В это утро старик трудился с пяти часов. Он сгребал в тележку у самой воды тонкий белый песок и свозил его в кучу в центре сада, чтобы потом, когда песок высохнет, усыпать им каменистые дорожки, — нежные ноги Гуссейновых жён не привыкли ступать по голому камню.

Вдруг кто-то окликнул старика. Хуан поднял голову. Какой-то худой человек в рваном плаще, с подвязанной левой рукой, шёл прямо к нему. Хуан испугался. Кто бы это мог быть в такой ранний час?

— Не бойся, друг, — сказал человек. — Лучше дай кружку воды бедному путнику.

— А кто ты такой? — спросил Хуан.

— Сервантес Сааведра, такой же добрый испанец и такой же несчастный пленник, как и ты. Дай мне отдохнуть здесь у тебя в саду, и я на всё отвечу тебе.

Хуан принёс воды. Мигель присел на камень и рассказал о себе старику. Рассказал и Хуан свою короткую историю.

Он уже восемнадцать лет в плену, а может быть, и больше, он не помнит хорошенько. Дома, в Наварре, у него осталась жена и четверо сыновей, но живы ли они, он не знает. Первый хозяин, корсар, продал его купцу-еврею, а купец — судье Гуссейну, теперешнему хозяину. Он работает садовником, это его ремесло; он и дома, в Наварре, занимался тем же...

— Дома, в Наварре... — перебил сам себя Хуан и задумался.

— Восемнадцать лет! — повторил Мигель. — И ты ни разу не пытался бежать?

¹⁸ Кади — судья.

— Четыре раза, — сказал старик.

И он показал Мигелю отрубленные пальцы на левой руке, клейма на лбу и на щеках, рубцы от палочных ударов на спине.

— Послушай, старик, — сказал Сервантес, вдруг решившись. — У меня есть план, верный план безошибочный, как шахматы. Хочешь ли ты помочь нам?

И он рассказал садовнику свой план бегства. На присланные деньги выкупится брат Родриго. Он уедет месяца через два. С ним вместе едет Виана, другой выкупленный пленник, родом с острова Майорки, опытный моряк и верный человек. Родриго добудет судно в Барселоне или в Валенсии, пустит для этого в ход все связи, займёт у купцов денег, если надо будет, и вместе с Вианой приедет обратно к алжирскому берегу. Они знают язык, знают все местные условия и, если на них обратят внимание, легко смогут прикинуться здешними рыбаками.

А в условленном месте на берегу их будет дожидаться целая партия пленников, человек пятнадцать. Чтобы не вызвать переполоха, Сервантес за эти два — три месяца по одному, по два переправит их из тюрьмы в укромное место на берегу. Здесь они будут дожидаться судна.

— Нам нужно только подходящее место, — договорил Сервантес, — и оно есть: у тебя в саду.

— Где? — быстро спросил Хуан.

— Пещера на склоне холма.

— Ага! — сказал Хуан. — Но она мала, её надо расширить.

— Этим придётся...

— ...заняться мне, — договорил старик. — Я это сделаю.

Кади Гуссейн, хозяин Хуана, нарадоваться не мог на своего садовника. С утра до вечера старик, не прося помощника, возился в саду, копал, возил песок, чинил ограду, звякал то лопатой, то вёдрами. Работа подвигалась быстро. Сад становился неузнаваем. Поистине этот наваррец — находка и стоит заплаченных за него денег.

Старый кади не знал, что Хуан за спиной у него успевает ещё больше. Гуссейн не подозревал, что в те часы, когда он уезжает в город вершить дела алжирских граждан, его садовник натирает себе руки, углубляя и раскапывая в саду подземный грот, о существовании которого сам хозяин уже давно забыл.

«Попробую ещё раз счастья перед смертью, — думал старик, поплёвывая на ладони. — Может быть, и правда мои сыновья ещё не забыли своего отца и поджидают его из плена домой».

Глава семнадцатая **Монах-доминиканец**

Дали-Мами потерял сон. Необъяснимый мор пошёл на его рабов. Они исчезали, бесшумно, непонятно, почти каждую ночь, — исчезали бесследно. Назавтра — никаких следов, ни трупа, ни знака... Допросы, палочные удары — ничто не помогало. Никто ничего не знал. И исчезали, как на подбор, самые ценные.

Дали-Мами, как тигр, ходил по своим коврам, взад и вперёд, и в ярости считал убытки.

Хуан Рамирес — двести червонцев.

Луис Кихада — четыреста.

Доминго де-Торрес — сто.

Педро Кармильяно — сто.

Луис де-Гарсия — триста.

Томас Меркадо — сто.

Тысяча с лишним червонцев пропала неизвестно куда!

Мами засёк до полусмерти двух сторожей, но виновных не нашёл.

В одном был уверен Дали-Мами: Сервантес, однорукий гордец, бунтарь, зачинщик прошлого бегства, на этот раз был ни при чём. Он стал даже весел, шутил со сторожами, учился играть на однострунной мавританской гитаре, что-то вечно напевал, днём много спал...

Много спал — это хороший признак. Верный признак, что человек успокоился.

Мами так доволен был Сервантесом, что разрешил даже снять с него кандалы и иногда в дневные часы выпускать из тюрьмы.

Так Сервантес добился, наконец, для себя свободы выходить днём. А выходить было необходимо: восьмерых товарищей, засевших в пещере, надо было снабжать продовольствием.

Всё, что мог Мигель урвать из своего скудного пайка или добыть на базаре, он носил пленникам в пещеру.

Выкуп раба в Алжире обставлялся бесконечными формальностями. До отъезда Родриго оставалось не меньше полутора месяцев. За это время надо было успеть переправить в пещеру остальных пленников, набрать запас продовольствия и засесть самому в ожидании судна.

Стояла весна, период набегов. Море кишело пиратскими судами.

Почти каждый день из гавани с пушечными выстрелами отплывал разукрашенный галеот, и хвастливый корсар-капитан обещал столпившимся на берегу горожанам богатую добычу.

В эти дни, пользуясь свободой, Сервантес много ходил по алжирским улицам, приглядывался к этому удивительному городу.

Коренное его население — мирные арабы — давно подчинилось туркам. Тон городу задавали корсары.

Беглецы со всех берегов Средиземноморья — греки, тунисцы, александрийцы, итальянцы, испанцы, сицилийцы — составляли половину населения. В большинстве это были европейцы — перебежчики, «ренегаты», как их называли. Крестьянин, обиженный сеньором, матрос, не поладивший с властями, задавленный налогами горожанин переходили на сторону ислама и бежали сюда, в вольный порт на полудиком африканском берегу.

Турки вовремя догадались взять под своё покровительство это вольное разбойничье гнездо, водрузив над ним зелёное знамя ислама, и турецкий султан каждые три года посылал туда своего наместника — пашу.

В этом городе никогда не бывало спокойно. Корсары постоянно готовы были восстать против турецкого паши, арабы — против постоя янычарских войск, разоряющих страну, рабы-европейцы — против корсаров, арабов и турок вместе.

Пленные европейцы были наиболее загнанными рабами этого пиратского гнезда. Их трудом держался весь город. Они возили тележки, носили воду, нянчили детей, клали стены, рыли каналы, гребли на судах. Богатство города держалось на их плечах. До двадцати тысяч было их здесь — французов, испанцев, итальянцев, греков.

Несмотря на разбойничьи набеги, Алжир был в ту пору центром оживлённой торговли. В порту стояли суда: английские со свинцом и медью, испанские с вином, солью и жемчугом, французские с порохом, мылом и оружием, генуэзские с бархатом

и цветными тканями, венецианские с резными ларцами, стеклом и зеркалами. Со всех концов Средиземного моря богатства земли стекались в этот обменный пункт между Европой и Африкой, между Западом и Левантом.¹⁹ Торговля объединяла всех; европейских купцов в Алжире было не меньше, чем здешних, арабских. Паша гостеприимно открывал купцам из Испании и Италии доступ в порт. Но на время стоянки в порту с европейских торговых кораблей снимались руль и паруса, иначе христианские пленники могли воспользоваться судами своих сородичей для бегства.

Как-то раз, спускаясь по крутым улочкам-лестницам к морю, Сервантес увидел в порту необыкновенное оживление. Большая толпа стояла на берегу.

— Галима! Галима!²⁰ — кричали в толпе и поднимали руки.

Несколько пиратских галер входили в бухту. Одна вела на буксире, кормой вперёд, разбитое испанское судно. Знамёна его волочились по воде — символ унижения для взятого в плен корабля.

Бросив якорь, пираты прежде всего собрали вёсла и отнесли их в береговой склад. Это делалось для того, чтобы гребцы-невольники не воспользовались минутой выгрузки и, ударив во все вёсла, не отчалили в открытое море.

Вновь захваченных пленников начали сводить на берег.

— Большая добыча, хорошая добыча! — кричали женщины на пристани. — Аллах акбар!²¹ Мужья наши везут хорошую добычу!..

— Сто двадцать... сто семьдесят... двести тридцать... — считали в толпе.

Двести восемьдесят человек! Добыча действительно была невиданной.

Пленников разделили на партии и погнали вперёд. Сервантес пошёл рядом, приглядываясь к пленникам.

В первой партии, с краю, шёл невысокий пожилой человек, с неподстриженной, как у мавра, бородой, в тёмном платье учёного. Незаживающий рубец был у человека на шее, синий, как след виселичной петли. Лицо человека показалось Мигелю примечательным. Мигель зашагал с ним рядом.

Человек со шрамом шёл медленно и часто останавливался — ему изменяли ноги.

— Быстрее! — Надсмотрщик ударил человека палкой по плечам. Испанец зашагал быстрее.

— Дон Антонио! Дон Антонио! Погодите, я боюсь отстать от вас! — Толстый монах в коричневой рясе, с потным красным лицом, ковылял за пожилым. — Не спешите так, дон Антонио!

— Раньше, на свободе, ты не так уж старался держаться за меня, отец Сисмонио, — с усмешкой ответил дон Антонио. — Раньше ты обо мне говорил иное.

— Это не я, это отец Бланко, — затряс головой толстый монах. — Теперь уж я не отстану от вас, дон Антонио. Когда в Испании узнают, что доктор Антонио Соза в плену, ваши друзья — у вас их так много — соберут деньги и выкупят вас. Может быть, тогда и мне, смиренному монаху, удастся вместе с вами вернуться на родину.

Доктор Антонио Соза! Тот самый, которого вынули живым из гарроты! Мигель слышал историю Созы. Доктор выступил на учёном диспуте в Сарагоссе. «Аутодафе —

¹⁹ **Левант** — ближний, средиземноморский Восток.

²⁰ **Галима** — морская добыча.

²¹ Аллах великий.

позор Испании», — сказал доктор Соза. Его ломали на дыбе, подвешивали за ноги. Потом приговорили к гарроте — удушению железным ошейником. К гарроте приговаривали тех, кого считали недостойным сожжения на костре.

Антонио Созу вынули живым из гарроты. Нашлись друзья, которые подкупили палачей. Соза бежал и уже много лет жил в Италии. Как он попал пленником на дикий африканский берег?

— Это не я, это отец Бланко оклеветал вас, — жалобно повторил толстый монах. — Я больше никогда не буду верить отцу Бланко. Он уговаривал меня купить у него талисман и сказал, что, кто носит его, того не коснутся никакие удары — ни деревом, ни железом, ни сталью, а за один только сегодняшней день меня уже били четыре раза, и боюсь...

Точно поняв слова монаха, ближний янычар ударил его прикладом между плеч.

— Замолчи, папа!²² — крикнул он. — Наговоришься, когда посидишь на цепи!

Отец Сисмонио обиженно замолчал. Но минуту спустя забормотал снова:

— Бланко с нами в одной партии, сеньор. Видите, он вон там, в последних рядах. Глядя на него, действительно можно подумать, что он уже спасся здесь на земле, что ему уже отпущены все грехи.

Сервантес оглянулся.

В последних рядах шёл монах, высокий и плотный, с рыхлым зеленоватым лицом и глубоко запавшими глазами. Он перебирал чётки у пояса и, возводя глаза кверху, безостановочно шевелил бледными губами — видимо, читал молитвы. Левый большой глаз его был полуприкрыт спущенным веком, и оттого казалось, что он одним глазом смотрит в небо, а другим в землю. По коричневой рясе Сервантес узнал в монахе доминиканца.

Скоро партия пленных свернула в узкую боковую улицу; сторожа оттеснили Мигеля, потом нахлынула толпа, загородила вход в улицу, и Мигеля окончательно отгёрли. Он даже не мог проследить, куда прошла эта партия.

Два дня он метался и расспрашивал всех: к какому хозяину попал доктор Соза, старик-учёный, с испанского судна. Никто ничего не мог ему сказать.

Скоро подоспели другие заботы. Пленники сидели в пещере. Их надо было снабжать провизией, и Сервантес забыл о Созе.

Однажды он шёл по базару, закупая провизию для пленников. На базаре было шумно. Седобородые арабы, сидя на порогах своих лавок, зазывали покупателей. Они предлагали мёд, табак, ковры, цветные туфли, ткани. Берберки раскладывали прямо на земле груды овощей, арбузы, свежие фиги. Незаметно Сервантес забрёл в Бадистан, огороженную часть базара, где продавались рабы. Здесь было тише. Несколько партий рабов разных хозяев сидело на земле. Турок-посредник вызывал их по одному и гонял, как лошадей, на открытом месте, расхваливая их достоинства и набивая цену.

Сейчас турок гнал по кругу худого, истощённого итальянца с разбитыми ногами. Турок заставлял его прыгать через палку, показывать зубы, поднимать тяжести.

— Вот лучший пленник из партии Ахмет-Али! — говорил нараспев турок. — Ноги у него крепки, как столбы, а спина, как мраморный свод! Горная газель не угонится за ним в беге, а зубами он перекусывает джутовую верёвку в руку толщиной.

— Сколько? — кричали из толпы покупателей.

— Пятьдесят червонцев, и это даром, клянусь аллахом.

²² Всех монахов турки называли папами.

— Двадцать! — предлагал покупатель, недоверчиво шупая мускулы итальянца. Они долго кричали, били себя в грудь, поминали аллаха и сговорились на тридцати червонцах.

Шестерых итальянцев продали так на полевые работы.

Четверо испанцев пошли грести на галерах.

Ещё двоих купил богатый турок для ухода за своими лошадьми.

Оставалось несколько пленников в одеждах духовных лиц.

В толпе покупателей зашевелились.

Живой капитал — рабы — приносил самые лучшие проценты. Надо было только угадать знатного или богатого человека в захудалом пленнике. Тогда за него можно было получить тройной выкуп и оправдать расходы.

Надсмотрщик гнал плетью по кругу толстого монаха.

— А вот знатный епископ из Сарагоссы! — торжественно провозгласил посредник. — Он заведует двенадцатью соборами, и сам король останавливается у него, когда проезжает в Рим.

— Я — бедный ключарь из монастыря Сан-Доминго! — придушенным голосом кричал монах. — Я слаб и болен, и у меня нет на родине никого, кто прислал бы за меня больше пяти реалов...

Монах повернулся, и Мигель узнал в нём того самого толстяка, который был в одной партии с доктором Созой.

Мигель подошёл к надсмотрщику и спросил, кому принадлежит эта партия рабов.

— Али-Кауру, храброму пирату из Тлемсена, — ответил надсмотрщик.

Это было всё, что нужно было знать Мигелю. Али-Каур был известен в Алжире.

В тот же день Мигель пошёл к нему.

На большом дворе Али-Каура было шумно. Пленников силой сгоняли в центр двора и усаживали кружком на земле. Их было много — должно быть, для какого-то торжественного случая пригнали сюда пленников и с других дворов. И толстый Сисмонию, которого, очевидно, не удалось продать, был здесь. Длинного Бланке не было видно. Не было видно и доктора Созы.

На измученных лицах пленников Сервантес видел тупую покорность. На дворе ждали муллу, мусульманского священника. Тех, кого не удалось выгодно продать, хозяева пытались обратить в мусульманство.

— Где пленник Антонио Соза? — спросил Сервантес у сторожа.

Сторож молчал.

Мигель вынул пять аспр и положил их на каменную плиту у ног сторожа. Турок большим пальцем ноги пододвинул деньги к себе. Серебряная монета моментально исчезла в складках широких сборчатых шаровар. Турок встал, подтянул шаровары и повёл Мигеля на задний двор.

На заднем дворе сторож подвёл Мигеля к низкому зданию, похожему на каменный погреб с плоской крышей.

— Вот, — равнодушно указал турок на узкое оконце.

— Дон Антонио! — позвал Сервантес, припав к оконцу. — Дон Антонио!

— Кто зовёт меня? — послышался слабый голос.

— Здешний раб, испанец Сервантес Сааведра. За что вас засадили в мазморру,²³ дон Антонио?

²³ **Мазморрой** в Алжире называли подземелье, в котором томились особо важные пленники.

— Меня приняли за епископа и назначили тысячу червонцев выкупа, — сказал Соза. — Потом повысили в чине и объявили кардиналом и главным советником испанской королевы. Теперь за меня надо внести две тысячи.

Звякнув цепью, Соза хотел подползти поближе к окну, но застонал и остался сидеть на месте.

— Это значит, что я до конца своих дней просижу в этой дыре.

Приглядевшись к темноте внутри подземелья, Сервантес различил бледное лицо Созы, ноги, закованные в кандалы, железный ошейник на шее.

— Доктор Соза, — сказал он полушёпотом, — у меня с товарищами есть план бегства. Бегите вместе с нами.

Доктор Соза молча указал на свои цепи, на распухшие ноги, седую бороду, трясущиеся руки.

— Я помогу вам, — сказал Сервантес. — Мы все поможем вам.

Соза молчал, потом, точно очнувшись, поднял голову.

— Мне незачем бежать, — сказал Соза. — Если я вступлю на испанскую землю, меня схватят и бросят в такое же подземелье. Ты видел среди пленников желтолицего монаха? Это Бланко де ла Пас, комиссар святой инквизиции. Он уже заготовил донос на меня. Может быть, это моё счастье, что пираты захватили наше судно... Эта дыра здесь и кусок хлеба из рук арабского мальчишки всё же лучше, чем костёр и гаррота на родине!

— Неужели в Испании ничего не изменилось? — спросил Сервантес.

— Испания — одна большая тюрьма, — покачал головой Соза. — Нет, уж оставь меня в моей темнице, Сервантес. А если нужен будет тебе и твоим товарищам осторожный совет много видевшего человека, приходите ко мне, я всегда помогу вам.

Взволнованный Сервантес шёл обратно через большой двор. Седобородый мулла в зелёной чалме сидел, поджав ноги, на коврик перед пленниками. Другой мулла, помоложе, юркий, с реденькой бородкой и бегающими глазами, стоял рядом с ним.

— Наша вера лучше вашей поганой веры! — скороговоркой кричал молодой. — Наш аллах — верный бог, великий бог, праведный бог. Кто верит в аллаха, тот побеждает. Сыны ислама покорили Азию, Аравию, Египет и Александрию, Алжир и Тунис, и Триполи... Кто верует в аллаха, творит молитву, вечернюю и утреннюю, слушает муллу и кади и не пьёт вина, тот будет достоин имени праведника и после смерти попадёт в рай. А кто исповедует вашу собачью веру, тот умрёт, как пёс, и сгниёт в могиле.

— Врут! Это ихняя вера собачья, — мрачно сказал соседу пленник с красным носом пьяницы. — Что за вера, если вина нельзя пить?..

— Слушайте все! — крикнул мулла. — Слушайте все слова аллаха и пророка его Мохаммеда!

Он поднял на вытянутой руке толстую книгу в сафьяновом переплёте.

— Слушайте все слова алкорана, книги откровения!

Другой рукой мулла, как фокусник, выхватил из рук служки деревянную подставку для корана и поставил её на землю перед старым муллой.

Двойная доска, щёлкнув, раскрылась. Он укрепил на ней книгу.

— Бисмиллах — рахами — рахим! — грозно начал седой.

Стража сдвинулась теснее. Пленники зашевелились. Они знали, что мирное чтение корана часто кончается ударами плетью.

Мигель торопился. Он нёс пленникам, засевшим в пещере, два свежих хлеба,

кувшинчик с оливковым маслом и связку луковиц. Мигель не стал ждать, что будет дальше, и ушёл со двора Али-Каура.

Уже наступила ночь; темнело в Алжире быстро, как везде на юге. В одном из кривых переулков горного квартала Казбы Сервантес увидел длинную фигуру доминиканца Бланке. Неизвестно, когда и как Бланко выкупился, но, очевидно, был свободен и с сумкой сборщика пробирался к капелле Сан-Педро, единственной христианской молельне Алжира.

— Как тебе удалось так быстро добыть свой выкуп, мой отец? — не сдержавшись, спросил монаха Сервантес.

Бланко поднял на него бесцветные глаза. Досада и смутное опасение мелькнули в них.

— Я не знаю тебя, пленник, — сухо сказал Бланко.

— А я уже знаю тебя, отец, — с усмешкой сказал Сервантес. — Тебя зовут Бланко де ла Пас, ты приехал с доктором Созой на испанском судне «Сан-Пабло». Могу сообщить тебе и моё имя: Мигель Сервантес.

Бланко сделал равнодушное лицо и отвернулся. Но, когда Сервантес прошёл дальше, он долго смотрел ему вслед, вытянув свою змеиную голову.

Глава восемнадцатая Расправа пиратов

Пленники в пещере начинали тревожиться. Второй месяц сидели они в сырости и темноте; подышать воздухом решались выходить только по ночам. А день отплытия Родриго всё откладывался и откладывался. Ко всему этому уходы Сервантеса за город стали затруднительны.

В городе было беспокойно. Толпы янычар бегали по улицам, из двора во двор, потрясали кривыми ножами и проклинали христиан.

До Алжира докатился слух, что на аутодафе в Валенсии испанцы сожгли корсара Ахмета, правоверного мусульманина и заклятого врага христиан.

Проклятые кафиры²⁴ могли жечь сколько угодно своих же неверных, если того требовала их вера. Но казнить правоверного мусульманина, да ещё пирата! Всё вольное пиратское племя возмутилось.

Это было в рамадан, девятый месяц мусульманского года, месяц поста и молитв. Всю ночь по домам горели огни, и всю ночь бродили толпы пиратов, заглядывая во дворы, в тюрьмы, обыскивая все углы. Они искали жертву — христианина, но не простого, а такого, которого стоило бы сжечь взамен Ахмета.

Из городских ворот не выпускали ни одного христианина ни днём, ни ночью, и пленникам в пещере грозила голодная смерть.

Родриго выручил Мигеля. Он раздобыл одного грека, перебежчика из Европы, который принял ислам, но тайно мечтал о возвращении на родину.

По профессии этот человек был позолотчик и в Алжире занимался тем же. Его так и звали: Дорадор.²⁵ Дорадор с радостью ухватился за возможность помочь бегству других пленников. Он надеялся благодаря этому выпросить на родине прощение за перемену религии. Такой человек был находкой для Сервантеса. Как мусульманина

²⁴ Так мусульмане называли всех христиан.

²⁵ Дорадор — на испанском языке — позолотчик.

его пропускали везде; он без всякого риска мог ходить за город и держать связь с пещерой.

Пираты продолжали бесноваться. Они нашли жертву — испанского священника Мигеля Аранду, бросили его в мазморру и назначили день казни.

С утра в порту заготовили целую гору сучьев, укрепили в земле якорь потяжелее. Аранду раздели догола, вымазали дёгтем, вываляли в перьях и долго таскали по улицам. После полудня полуживого Аранду притащили в порт.

Мигель с Родриго и многие другие пленники, столпившись в сторонке, смотрели на происходящее. Даже Антонио Созу выпустили посмотреть, как горит на костре испанец.

Тело Аранды перехватили ржавой железной цепью, прикрепили цепь к якорю, врытому в землю.

Начальник янычарского отряда сделал знак. Затихшая толпа покорно расступилась, и высокий араб, брат сожжённого пирата, вышел из неё. Он наклонился, и большой серый булыжник, свистя, прорезал воздух. За первым камнем тучей полетели другие.

— Харала!.. Харала!..²⁶ — кричали мусульмане. — Кафиры жгут наших братьев, наших сыновей! Отомстим же им! Харала!..

— Бисмиллах! — в исступлении вопил какой-то старик, тряся кулаками. — Бисмиллах! Кафиры узнают, сколько крови стоит один сожжённый правоверный. Мы перережем их пленников, мы наводним их берега, мы уничтожим их проклятое семя!

Аранда свесил окровавленную голову, но ещё стоял. Якорная цепь поддерживала его.

Сам мулла поджёт наваленные вокруг Аранды сучья. Первый язык дымного пламени лизнул его свесившиеся волосы и опалил лицо. Аранда пошевелил губами, точно хотел что-то сказать. Но тут густой дым закрыл его, и несколько секунд слышались только шипение огня и глухой рокот толпы.

Мигель закрыл глаза. Он вспомнил казнь еретика в Толедо. Мальчиком, восьми лет, Мигель раз видел аутодафе.

Такая же многолюдная, но более молчаливая, испуганная толпа. Процессия осуждённых. Бледные лица из-под размалёванных высоких колпаков. Жёлтые балахоны еретиков. Свечи зелёного воска в руках. Помост и крест над ним, обтянутый зелёным. Похоронное пение. Груды сучьев. Клубы чёрного дыма. Поднятые руки и ужасные стоны сжигаемых. Аутодафе.

Мигель открыл глаза. Аранда, весь обугленный, лежал почерневшей головой на шипящих раскалённых камнях.

— Неверные! Варвары!.. — сжал кулаки один из пленных, испанец, стоявший рядом с Родриго. — Мы им отомстим!

— Неверные?.. А мы, католики, разве лучше их? — громко по-испански сказал Соза.

Пленник замолчал.

— А мы разве лучше неверных? — так же громко повторил Соза. — Разве мы не жжём на кострах ни в чём не повинных людей?

— Вы правы, дон Антонио, — сказал тихий голос.

Это был голос испанца. Все оглянулись. Однорукий Сервантес стоял рядом с Созой, в полотняной шапке пленника.

²⁶ Харала — месть.

Испанцы понимали, что Соза говорит правду, но отворачивались, не смея поддержать его. Даже в этом чужом, мусульманском городе, на краю света, на другом материке, они боялись попасться в лапы святого судилища.

И, может быть, осторожные были правы. Из соседних рядов высунулась змеиная голова монаха.

Родриго уезжал. Наступал срок для исполнения задуманного.

Стоял август. Море было тихо.

Весь Алжир занят был приездом нового паша. Паша сменялся каждые три года — его присылал турецкий султан.

Музыкой, кликами, парадом янычар встретили нового пашу. Все пятьдесят орудий на фортах и на судах береговой охраны салютовали его въезду во дворец. Легковерные алжирцы уже забыли жестокости старого правителя и от нового ждали льгот и послаблений.

Но они прогадали. Новый паша, Гассан-Ага, стоил десятка старых. Он обложил население неслыханными налогами. Он потребовал от пиратов пятой части добычи вместо седьмой. Он захватывал лучшие суда в свою пользу, скупал пленников и удваивал сумму их выкупа, забирал всё зерно, собирал разменную монету и с помощью европейских невольников переплавлял её. Он конфисковал товары на базаре, забирал для себя мёд, рис, масло, фиги и милостиво оставлял своим янычарам лук и капусту. Он заставлял окрестное арабское население платить налоги натурой, а потом их же продукты продавал им по учетверённой цене. Народ застонал, заволновались пираты, полетели жалобы в Стамбул, к самому султану. Но султан был глух: у Гассана-Аги были сильные заступники при дворе, и за своё место в Алжире он внёс султану выкуп в триста тысяч червонцев.

В Алжире начался голод. Пираты победнее, не зная, чем кормить своих пленников, выпускали их на волю или закладывали десятками. Все заняты были своими собственными бедами, и момент для бегства настал самый благоприятный.

Перед отъездом Родриго Мигель ещё раз повёл брата на берег, проверил местоположение и в сотый раз условился о знаках и взаимных сигналах. Прощались братья не надолго: недели через две, не позже, надеялись встретиться.

Родриго уехал. Сервантес сделал последние приготовления, взял с собой Исахара, простился с доктором Созой и залёг в пещере.

Это было во второй половине сентября 1577 года. Хуан сторожил снаружи. Дорадор приносил пищу. Исахар бегал на разведки.

Глава девятнадцатая

В пещере

Их было пятнадцать человек в маленькой, тесной пещере без отдушин для воздуха. Но теперь теснота, болезни, голод, недовольство — всё было забыто. Они лежали вповалку на земле, на грудах маисовой соломы, и ждали судна.

Один из пленников постоянно дежурил в густых кустах на верхушке холма.

Прошло пять, шесть, семь суток. Сервантес был спокоен. Он знал, что снарядить судно — не такое простое дело, что у Родриго с Вианой могут встретиться какие-нибудь препятствия, задерживающие отплытие.

Настал двенадцатый день. Молчаливое напряжение в пещере достигло высшей точки. Но разговоров не было. Лежали на соломе и ждали сигнала сверху. Диего Кастильяно и Томас Рохас, заболевшие от сырости, тихо стонали у стены.

Ночи были лунные и ветреные. На западе, на грани неба и моря, тучи залегли плотной полосой, более светлой, чем чёрное беззвёздное небо. Луна поднималась над чертой моря, тёмно-багровая и мрачная.

Тяжёлое ожидание, мучительное, как удушье, спирало груди людей в пещере.

В эту ночь на холме дежурил Луис де Гарсия, смелый юноша, ещё совсем недавно попавший в плен. Исахар каждую минуту бегал к нему на разведку.

Из пленников один Дорадор пытался разговаривать. Но никто не поддерживал разговора. Все лежали и молча прислушивались.

Вдруг послышался лёгкий шум; и комья земли посыпались у входа. Исахар не вполз, а вкатился в пещеру.

— Серванти! — позвал Исахар в страшном возбуждении. — Серванти! Огонь в море! Красный огонь!.. Корабль!..

Все повскакали с мест.

— Лежите все и молчите, пока я не позову, — распорядился Сервантес. Он зажёл приготовленный смоляной факел и пополз наружу.

На море, совсем недалеко, ясно был виден красный огонёк. Он приближался, стал отчётливее и явственно разделился на два, один над другим.

Это был условный знак. Родриго должен был вывесить два красных огня на бизань-мачте, дожидаться условного ответа и спустить лодку к берегу.

Сервантес взбежал на верхушку холма и замахал своим факелом.

Огни на судне потухли, потом снова зажглись. Это означало, что сигнал замечен и лодку высылают.

— Теперь, дон Луис, вы мне поможете выносить больных, — сказал Сервантес часовому, и оба побежали вниз.

Но пленники уже сами выбегали из пещеры и по одному спускались к берегу. Больные, прихрамывая, ползком тащились за ними. Долгожданное спасение, наконец, пришло, и люди забыли об осторожности. Они беспорядочной гурьбой сбились на берегу.

Несколько долгих минут ожидания, и полосу лунного света на воде прорезала вдали узкая, как птица, чёрная тень — лодка.

— Ложитесь на землю! Ничком! — умолял Сервантес, перебегая от одного к другому.

Не слушая, люди вбегали в воду навстречу лодке.

Луис де Гарсия, забыв обо всём, снова взбежал на верхушку холма, схватил факел и широкими кругами начал махать им над головой, точно приближая этим спасение.

И тут в игру вступила случайная фигура, которую не могли предугадать никакие расчёты.

Рыбак Абу-Талеб возвращался поздно ночью из Алжира домой, в своё селение. Он отстал от товарищей и перепрыгнул через ограду, чтобы пойти наискосок по самому берегу и срезать часть дороги. За оградой он увидел человека с факелом на пригорке, пятнадцать теней на берегу, красные огни в море, приближающуюся лодку...

«Ага, здесь заговор! Проклятые кафиры задумали бежать!» сообразил рыбак и пронзительным свистом позвал товарищей.

Полминуты спустя свистки летели уже по всему берегу, вдоль всей линии фортов передавалась тревога, и сторожевые суда из порта выходили наперерез чужому галеоту.

Лодка дрогнула и остановилась.

— Скорее! Скорее! — отчаянно замахали лодке пленники.

Лодка покачалась на воде, точно раздумывая, и повернула назад. Огонь на судне погас: на галеоте услышали тревогу.

Обезумевшие пленники вбегали в воду и, едва держась на ногах от прибоя, махали руками и кричали вслед отходящему судну.

— Кабальерос, обратно! — кричал Сервантес. — Обратно в пещеру, иначе мы погибли!..

Он почти силой затолкал всех обратно в пещеру. Тревога быстро утихла, но судно уже успело уйти и больше не показывалось.

Пленники по одному опять выползали из пещеры и добирались до берега. Они надеялись: судно вернётся, не может не вернуться. Родриго или Виана, кто бы там ни был, не испугается двухминутной тревоги и найдёт случай снова показаться в виду берега.

Сервантес не мог удержать в подчинении своих пленников в эту ночь и только на рассвете собрал всех обратно в пещеру.

Он пересчитал их. Дорадора не было.

Темно. Факелы не горят, чтобы не отнимать воздуха у людей.

В темноте только сдерживаемое дыхание пленников и тяжкие стоны больных. И во всех углах блестящие, устремлённые на Мигеля глаза, ожидающие, вопросительные, угрожающие.

— Дон Мигель, у нас нет ни ломтя хлеба.

— Хлеб нам принесёт Дорадор, как всегда.

— Дон Мигель, мы ждём его вторые сутки. Он никогда так надолго не оставлял нас!

— Он скоро придёт.

— Серванти, позволь, я пойду поищу его.

— Не ходи, Исахар, тебя поймают. Лежи смирно и молчи, он скоро придёт.

Мигель уже сам не верил в то, что говорил. Дорадор пропал сейчас же после того, как увидел, что их попытка сорвалась. Как крыса, он бежал первый, почуяв гибель.

А может быть... Может быть, ещё хуже. Может быть, он поспешил, спасая свою шкуру, доложить обо всём паше, чтобы выгородить себя?

Кончились мучительные вторые сутки лежания в пещере. Смутное пятно света, падавшее из отверстия для входа, потемнело.

Наступала ночь.

Из дальнего угла, звякнув оружием, вышел молодой Луис де Гарсия.

Он выпрямился во весь рост и невольно согнулся, стукнувшись головой о земляной свод.

— Кабальерос! — громко сказал Луис де Гарсия. — Разве мы трусы, чтобы сидеть здесь и ждать, пока нас возьмут, как мышей в мышеловке? Или вы забыли, что мы — кастильцы, а не овцы? У нас есть оружие, — выйдем, попробуем выбраться из сада!

— Да, да, — повскакали все. — Мы пойдём, попробуем спастись отсюда. Чего нам ждать здесь?

Все разом наступали на Сервантеса.

— Ни один человек не пойдёт отсюда. Это гибель, — сказал Сервантес.

Опять тишина. Кто-то забылся. Кого-то лихорадило. Кто-то стонал во сне.

К концу ночи к Мигелю подполз Исахар.

— Ты слышишь, Серванти? — прошептал он.

Тишина ночи наполнялась чьими-то шагами, шорохами, слабым позвякиванием оружия.

— Я пойду погляжу, Серванти, — шептал мальчик.

— Не надо, Исахар, лежи смирно.

Пленники не шевелились. Спят, молчат или притворяются, что спят?..

Звуки множились. Шорохи приближались. Кольцо вооружённых людей смыкалось вокруг пещеры.

Вдруг резкий крик, плачущий голос прорезал тишину предрассветного часа.

— Это Хуан!.. Его пытаются!.. Нас предали!.. — закричал де Гарсия.

— Нас предали! — повскакали все с мест. — Сейчас придут сюда!..

— Нас предали! Нас заманили! — подступали все к Сервантесу.

— Молчите! — сказал Мигель. — Не двигайтесь с места. Слушайте меня! Я собрал вас сюда, чтобы спасти. И я отвечу за неудачу. Вы все останетесь целы. Только слушайте меня. Говорите только правду: вы здесь ни при чём, вас заманили. Всё сделал я, уговорил я, подготовил я!

И, широко шагнув к выходу, Мигель рукой остановил бросившихся за ним и вышел из пещеры.

Двадцать четыре конных и больше сорока пеших янычар толпились в саду. В зеленоватом полумраке предрассветного часа сам ага-баши, офицер паши, в белой чалме с султаном, шёл, согнувшись, ко входу в пещеру.

Сервантес остановил офицера.

— Не ходи туда, ага. Там невинные люди. Я один виноват во всём. Я уговорил их, обманул, собрал в пещеру. Бери меня!

Ага-баши, чуть-чуть удивлённый, сделал движение рукой, и восемь янычар бросились на Мигеля.

— Куда вести, господин? — угодливо спросил один, связывая Мигелю руки.

— К паше, в Эль-Джезайр, на Двор пыток.

Глава двадцатая

Допрос

День был такой, что сами сторожа, бросив посты, толпились на улице и ждали событий. Сторожа даже не останавливали пленников, без спросу выскакивавших из ворот.

Ренегаты, мавры, вольноотпущенники прибегали ежеминутно из квартала Джезайра и сообщали последние вести.

С утра шёл допрос. Перед наместником турецкого султана стоял худой, связанный по рукам и ногам испанский пленник.

Больше всего хотел бы паша услышать от Сервантеса имя какого-нибудь купца, который снабжал деньгами заговорщиков. Снарядить целое судно — тут не обошлось без богатых соучастников! Надо только добраться до них и до их кошельков!

Допрос длился, и Сервантес не уступал. Паша не вырвал у него ни одного указания, ни имени, ни намёка.

— Я один виноват во всём, — бескровными губами повторял Сервантес. — У меня не было соучастников.

Пленники из пещеры не знали, что им думать: им ничего не сделали, только отвели из сада обратно в тюрьму. И сейчас они стояли вместе с другими у ворот, выглядывали и ждали новостей.

С базара прибежали мальчишки и приносили вести.

Старика Хуана повесили за ногу на базарной площади. Он висел вниз головой, хрипел, наливаясь синей кровью, звал смерть и долго не умирал.

Так какая же казнь ожидала Сервантеса, зачинщика и исполнителя всей затеи?

Весь город был заинтересован исходом допроса.

В три часа разнеслась весть, что паша велел дать Сервантесу две тысячи палочных ударов.

Две тысячи! Это была смерть! Редкие выдерживали триста — четыреста, а после пятисот не оставался в живых никто.

У ворот Эль-Джезайра стояли люди и ждали, когда вынесут Сервантеса.

Не раз выносили из этих ворот прямо на европейское кладбище распухшие, изуродованные трупы в кровавых полосах и кровоподтёках.

Уже закатилось солнце, и в мечети, разостлав коврики, длиннобородые арабы прочитали могила — вечернюю молитву.

Сервантеса не выносили.

Слуги паша начинали шептаться о том, что паша отменил казнь, чтобы назначить другую, более жестокую.

Ни одного звука не доносилось со Двора пыток.

— Я знаю Сервантеса, он умрёт молча. Они замучили его! — глухо сказал Бельтран де Сальто.

— Серванти умер, а он был мне отцом и матерью! Серванти умер, а он был мне воем на свете!.. — плакал под воротами мальчишка Исахар.

Настала ночь.

Сервантес не вернулся и ночью.

Наутро паша призвал к себе Дали-Мами, хозяина Мигеля.

— Какой назначен у тебя выкуп за этого упрямого кастильца? — опросил паша.

— Пятьсот червонцев, — испуганно ответил Мами.

— Я мог бы просто казнить его или забрать у тебя, не заплатив ни гроша, — милостиво сказал паша. — Но ты и так ничего не награбил в эту весну, и я не хочу разорять тебя, Мами. Я беру твоего пленника и плачу деньги сполна.

— Аллах да наградит тебя, господин! — обрадовался Мами. — Поверь мне, он стоит этих денег. Он — главный советник адмирала Хуана Австрийского. Ты выручишь за него шестьсот или семьсот, не меньше.

— Тысячу! — сказал паша. — Я назначу за него ровно вдвое: тысячу червонцев.

И, удвоив выкуп за Сервантеса, паша велел бросить его в подземелье.

«Вчера здесь все ожидали казни Сервантеса, зачинщика бегства на судне. Но день прошёл, и он остался жив», записал в тот день в своих «Воспоминаниях» доктор Антонио Соза.

Глава двадцать первая

Бунт в порту

Узкое окошечко без стекла, железная решётка, каменный пол, полусвет, кувшин с водой и связка сухарей в углу — арабская мазморра надолго стала жилищем Сервантеса.

Окошко упиралось в высокую стену. Сложенная из больших неровных камней, она завершала собой горную террасу, одну из тех, на которых стоял весь Алжир. За стеной был обрыв, такой крутой, что паша даже не считал нужным держать в этом месте

стражу. Никто не мог рискнуть вскарабкаться по отвесному склону.

Проворные ноги и руки Исахара нашли, за что зацепиться на отвесном скате, и скоро узник мазморры смог вступить в связь с остальными пленниками паши.

Через три дня у него был клочок венецианской бумаги и перо, а через шесть дней Ибрагим, испытанный мавр, приятель Наваррета, уже шагал с письмом, написанным Мигелем, по алжирским степям, на запад, к Орану.

Письмо было к коменданту Оранской крепости с просьбой о присылке проводников и военной охраны для большой партии испанских беглецов.

Теперь оставалось ждать, и Мигель ждал терпеливо. Сидя в своём углу, он считал отсветы восходов и заходов солнца на стене.

Через восемнадцать дней, — не раньше и не позже, — по тюрьмам паши, ночью, пойдёт тревога, — забьют трещотки, залают псы, забегают люди. В темноте из незапертых кладовых исчезнут молотки и ключи от кандалов, упадут цепи с закованных рук и ног, и осторожные тени заскользят по крутым отвесам, с крыши на крышу, к городской стене. А там, за стеной, в условленном месте — надёжный конвой, и через семь дней пути — Оран, испанская крепость.

Но через десять дней к решётке окна приполз Исахар. Он едва мог говорить, и его чёрное лицо было серо от ужаса.

Ибрагима поймали за два дня пути до Орана. Его привели обратно в Алжир, к паше, на Двор пыток. Ему выворачивали руки и ноги на дыбе, поджигали смолой ладони, били по груди и по животу, но мавр не сказал ничего: не сказал, кто дал ему письмо, не сказал ни имени, ни слова... Наскучив пытать, паша велел посадить Ибрагима на кол.

План сорвался. Погибла ещё одна надежда. Чего ещё оставалось ждать, какого исхода?

Для узников общей тюрьмы были ещё какие-то надежды. Месяц-другой примерного поведения — и тяжёлую цепь меняли на лёгкую или совсем снимали; несколько аспр в ладонь сторожа — и открывался выход на улицу, в соседнюю христианскую таверну, на базар. Для узников мазморры не было надежд. Даже когда набирали гребцов на галеры, и тогда не открывались тяжёлые двери подземелий.

Мигель перестал считать отсветы на стене. Когда же конец или если не конец, то перемена?..

Перемена пришла извне, когда Сервантес уже перестал надеяться.

К концу зимы в Алжире распространились слухи, что Филипп, король испанский, собирается идти войной на корсарское гнездо. Купцы, пираты и перебежчики с европейских берегов рассказывали: Филипп назначает командующих, вооружает корабли; большая армия стягивается к южным портам полуострова.

Паша Гассан струсил и начал сгонять всех пленников в порт на работы по укреплению подступов с моря.

Несколько тысяч человек согнал он и из своих и из чужих тюрем. Для такого случая раскрылись даже двери мазморр, и Сервантес вышел с другими.

Пленников поднимали в пять утра и палками гнали в порт. Здесь они таскали огромные камни, складывали стены, копали рвы.

В полдень раздавали тухлый рис и позволяли полчаса отдохнуть в тени. Потом опять становились на работу, до первых звёзд.

Сервантеса уже знали все. Его называли «героем пещеры». К нему приходили поделиться, рассказать о своих бедах, попросить совета.

Здесь, в порту, у Мигеля была возможность познакомиться с пленниками всех тюрем.

С французами и итальянцами он стоваривался на «франкском» языке — смеси итальянского, французского и испанского. На этом языке говорили все пленники, и его понимали все арабы и турки в Алжире.

И новый план, гораздо более широкий и смелый, чем прежние, начал складываться в голове Мигеля.

Как-то в дневной перерыв Мигель с Исахаром не пошли отдыхать, а бродили по берегу.

Небольшая пиратская галера стояла недалеко от мола. Она только что подошла к берегу, и надсмотрщик обходил гребцов, отбирая вёсла.

Исахар с Мигелем подошли совсем близко к галере.

У ближнего борта сидел рослый негр, прикованный к скамейке. Он поднял голову и тупо посмотрел на мальчика.

Вдруг что-то мелькнуло у негра в глазах. Он приподнялся на скамье.

— Ньянго! — глухо сказал негр.

Исахар вздрогнул и побежал к самому краю, к воде.

— Аттай! — отчаянно закричал Исахар, протягивая руки. — Аттай!

Исахар узнал отца и звал его на своём родном языке.

— Ньянго! — повторил негр, привстав. Это было имя Исахара на языке его родного племени. — Ньянго!

Негр натянул цепь, приковывавшую его к скамейке, точно пробуя порвать её.

Надсмотрщик подошёл к негру, хлеснул его бичом по плечам и нагнулся, чтобы взять весло.

Но негр поднялся и выпрямился во весь рост. Как бык, нагнув голову, он размахнулся веслом, и надсмотрщик отскочил.

На турецких галерах все три гребца на скамейке гребут одним громадным веслом. Оно так велико, что три человека с трудом поворачивают его в воде.

Тяжёлое весло стало грозным оружием в чёрных жилистых руках.

— Ринго! — рычал негр, свирепо замахиваясь на надсмотрщика.

Вёсла, точно по команде, поднялись на обоих бортах.

Рыча, как псы, люди вставали, разбивали цепи, перепрыгивали через борт и плыли к берегу.

Это был бунт. Растерявшаяся команда сбилась на корме.

На помощь команде пришла береговая стража. Янычары, на ходу вытаскивая свои кривые кинжалы, бежали наперерез гребцам.

— Бейте чёрных собак. Бейте нечистых! — кричали янычары.

— Не допускать дальше! Перерезать путь! Изловить по одному! — командовал прибежавший откуда-то начальник.

Негр, отец Исахара, продолжал гоняться за надсмотрщиком. Надсмотрщик метался по палубе, убегая от настигающего его весла. Но кто-то из команды навёл на негра мушкет.

— Аттай! — отчаянно закричал Исахар, порываясь броситься в воду. — Аттай, скорее сюда!

Отец повернулся к берегу, подскочил к борту, но в эту секунду грянул выстрел, и негр с простреленной головой свалился в воду.

Мигель потащил кричавшего Исахара подальше от галеры. Стража на берегу

сгоняла пленников, чтобы они помогли перерезать путь взбунтовавшимся гребцам и не пустить их дальше в город.

Но пленники с тяжёлыми молотами, кирками, ломami и просто камнями в руках начали перебегать к гребцам; осмелев, толпа уже напирала на янычар и захватывала выходы из порта.

Сам, не зная как, Мигель через минуту, потеряв где-то в толпе Исахара, уже кричал вместе со всеми, бегал, распоряжался, носил камни, таскал брёвна и заваливал устье одного из узких переулков, ведущих в порт.

Пленники захватили весь порт. Они облили смолой наваленные у выходов брёвна и подожгли их. Они обезоружили команду на нескольких галерах, стоявших у пристани, а некоторые, подogaдливей, уже бежали к арсеналу, где было сложено оружие.

Это был уже не бунт. Это начиналось восстание.

Но начальник опомнился и вовремя вызвал подкрепление. Несколько полков подоспело из города. Пленников заперли в порту, усмирили, развели по тюрьмам.

Бунт не привёл ни к чему. Но этот случай показал Сервантесу, какую силу могли бы представить собой те же пленники, если бы их всех подготовить, организовать, сплотить.

Готовившееся наступление Филиппа само собой диктовало план восстания.

Когда испанский флот обложит Алжир с моря и начнёт обстрел, на всех турецких галерах гребцы разом положат вёсла, а на суше вооружённые и подготовленные пленники ударят в тыл своим хозяевам.

Глава двадцать вторая **Большой заговор**

С минуты, когда в голове Сервантеса окончательно оформилась и созрела эта мысль, тюрьма паши стала «постоянным штабом и местом сговора для всех тюрем Алжира.

В городе было беспокойно; жестокие поборы паши и неурожай довели население до голода и болезней; дисциплина в тюрьмах упала, и теперь пленники подолгу сидели и даже заночёвывали у товарищей.

Вести о походе шли всё более определённые, более грозные. Сам Васкес, приближённый короля Филиппа, ведал приготовлениями к походу. Паша трепетал и удваивал меры защиты.

Общие тюрьмы, одиночки-мазморры — все были предупреждены Мигелем и готовились к восстанию. Три четверти пленников было охвачено заговором. В каждом дворе был свой маленький штаб, и каждый начальник такого штаба, проверенный человек, отвечал за себя и за своих. Пленники гадали, волновались, отчаивались, ждали. Даже доктор Антонио Соза был втянут в заговор.

— Матео Васкес сейчас — правая рука короля, — сказал Мигелю Соза. — Я знавал Васкеса, он не так подл, как другие. Напиши ему письмо.

Нашлись двое выкупленных пленников, которые согласились отвезти письмо ко двору, к королевскому фавориту.

Мигель составил послание. Он заклинал Васкеса ускорить поход. «Поход будет лёгок, — уверял Мигель. — Речь идёт о том, чтобы уничтожить плохо укреплённое и ещё хуже охраняемое разбойничье гнездо. Каждый день толпы несчастных устремляют взоры на горизонт, надеясь увидеть вдали испанский флот... Светлейший граф, у вас в руках ключ от печальной тюрьмы, в которой гибнут двадцать тысяч

христиан...»

Матео Ваекес на письмо не ответил.

Лето кончалось, и всё яснее становилось, что поход Филиппа не состоится.

И сильно раздуваемая подготовка к военным действиям и стягивание войск к южным берегам — всё это делалось для войны, но не с турками, а с соседней Португалией. Ложный слух о турецком походе был пущен нарочно. Филипп любил заметать свои следы.

Пленники были в отчаянии. Тогда у доктора Созы возник новый план. Из посещающих тюрьму Али-Каура вольноотпущенников Соза заприметил одного человека.

Вольноотпущенник Хирон, или Абд-Эль-Рахман, как его называли мусульмане, давно, выкупился из плена, но не поехал домой. Перед самым отплытием в Испанию Хирон получил весть из дому, что вся его семья, все родные в один месяц погибли от страшной эпидемии чумы. Вольноотпущенник остался в Алжире, торговал фигами и накопил небольшое состояние. Но на старости лет его начала мучить тоска по родине. Денег он не жалел и готов был всё отдать, чтобы помочь замыслившим побег испанцам, соплеменникам.

Такой человек был неоценим для заговорщиков. Абд-Эль-Рахман дружил со всеми корсарами, и даже паша уважал его.

Соза вызвал Сервантеса и изложил ему свой план.

Хирон придёт к паше Гассану и скажет, что ему надоело торговать, сушёными фигами, что он хочет попробовать счастья в крупном деле. Хирон попросит у паши разрешения снарядить судно для пиратского набега.

Паша даст ему разрешение. Хирон возьмёт провиант, гребцов, команду и выйдет в море. А в море все гребцы, как один, положат вёсла, перевяжут команду и возьмут курс к берегам Испании.

Мигель выслушал Созу.

— Нет, это не годится, — сказал Мигель. — На судне смогут спастись человек двести, не больше:

— Неугомонный, разве тебе этого мало? — удивился доктор Соза.

— Мало! — сказал Сервантес. — А как же остальные? Как же мои полторы тысячи пленников? Подразнить их всех призраком свободы, а спасти только двести человек?

Соза молчал.

— Но есть другая возможность, — сказал Сервантес. — Выйти на Хироновом судне, добраться до Испании, там собрать людей и деньги, снарядить три — четыре вооружённых корабля, вернуться сюда и поднять мятеж на всём берегу.

Соза в ответ молча качал головой.

— Вы думаете, дон Антонио, это невозможно? А восстание семисот человек в Сархале? А девятитысячное восстание в Мостаганеме?

Мигель в ожидании наклонился над доктором Созой. Тот всё ещё качал головой.

— Возможно это или невозможно? — теряя терпение, ещё раз опросил Сервантес.

— Это возможно, — медленно, очень медленно произнёс доктор Соза. — Но для этого нужна смелость, много смелости. И осторожность, много осторожности. А пока, во всяком случае, надо, чтобы паша дал разрешение на поездку.

— Ты хочешь попытать счастья на старости лет, Абд-Эль-Рахман? — снисходительно сказал паша. — Хочешь поискать добычи на море? Ну что ж, попробуй.

Алжирского пашу звали Гассаном. Голова его была укутана в белоснежную чалму, и лицо обросло широкой, нестриженной, как у араба, бородой. Но из-под чалмы глядели европейские голубые глаза, и по лицу и всей повадке в паше легко было угадать выходца из хитрого приморского племени венецианцев.

Хирон смиренно стоял перед ним на коленях, сложив руки на груди, по мусульманскому обычаю.

— Не привези мне только такую добычу, как Джафар или Мальтрапильо, — продолжал паша. — Джафар в эту весну привёз пять тюков подмоченного риса и десяток коз, а Мальтрапильо ещё хуже: бочонок с уксусом и трёх полуживых пленников.

— Сохрани меня аллах от трусости первого и неудачливости второго, — ещё ниже склонился Хирон, пряча усмешку в бороду. — И ещё об одной милости попрошу я господина моего: разрешения набрать гребцов среди корсарских пленников.

— Можешь брать, где хочешь, и из моих тюрем тоже, — ласково сказал паша. — Но тогда уж не пятая, а четвёртая часть всей добычи — моя.

— Аллах да наградит тебя, мой господин! — закланялся Хирон, отступая к двери. — Головы твоих врагов да падут под ноги твоего коня!..

Глава двадцать третья **Комиссар святой инквизиции**

Вольноотпущенник Хирон нанял две сотни пленников и строил в порту новую большую галеру.

Своими руками строили пленники корабль, который повезёт их на родину.

— Абд-Эль-Рахман задумал сделаться пиратом на старости лет, — посмеивались алжирцы. — Пошли ему аллах удачу!

За каждого пленника Хирон платил его собственнику пять бланок в день. Скромного капитала Хирона хватило не надолго. Он пошёл к двум знакомым богатым купцам — испанцам Экзарху и Торресу — и посвятил их в план бегства.

— Двести человек едет со мной, — объяснил Хирон купцам. — Из них не меньше сорока родовитые и богатые люди. На родине они вам вернут долг сполна и с процентами.

Довод был убедительный, и купцы открыли свои сундуки Хирону.

Никогда ещё так не спорилась работа в алжирском порту.

К марту галеру спустили на воду.

Лихорадка, терзавшая Мигеля столько месяцев, теперь достигла высшей точки. Монахи шныряли среди пленников. Даже здесь, на африканском берегу, доминиканцы выслеживали свободомыслящих и еретиков. Они шпионили среди новичков. Каждый день кто-нибудь мог проговориться. Сервантес сжимал зубы днём, а ночью вскакивал и сам прислушивался к своему бреду. За себя он готов был поручиться, но как поручиться за тайну, которая вверена нескольким сотням людей?

Круг посвящённых всё расширялся. Мигель глядел в глаза каждому: не проговорился ли, не продал ли, не выдал ли чем-нибудь себя и других?

Уже готово было всё снаряжение, осмолён корпус, проверены снасти. Уже погрузили на галеру пресную воду, тюки с рисом и сухарями, бочонки с уксусом и оливковым маслом. Уже горбатый, уродливый марабу, мусульманский колдун, помолился на восток, погадал на воде и бараньей крови и предсказал команде попутный ветер и богатую добычу. И уже назначили срок отъезда: утро пятнадцатого

апреля.

Десятого утром Сервантес давал последние распоряжения доверенным пленникам, собравшимся со всех дворов.

Все ушли. Один пленник, молодой пастух из Малаги, недавно попавший в плен, Габриэль Каринес, не уходил.

Он стоял, мялся и в смущения глядел на Сервантеса, словно что-то хотел и не решался ему сказать.

— Что такое, Габриэль? — спросил Мигель, предчувствуя беду. — Ты хочешь мне что-то сообщить?

— Да... — замялся Габриэль. — Я хотел... Я вчера исповедывался, и мне пришлось...

— Ты исповедывался, Габриэль? — насторожился Сервантес. — Кому?

— А я и сам хорошо не знаю, дон Мигель. Я пошёл вчера в нашу капеллу Сан-Педро искать священника. Предстоит дорога, думаю, и бог знает, что ещё может случиться на море. Надо исповедаться и получить отпущение грехов. Возле капеллы подошёл ко мне один монах, доминиканец, и спросил, кого я ищу. «Каноника, отца Франциоко, — объяснил я монаху. — Мне предстоит опасный путь, и надо исповедаться перед отъездом». — «А куда ты едешь, — спросил он, — и почему опасный путь?» Тут я замялся, а он говорит: «Отца Франциско сейчас нет, но я такой же слуга божий, как и он, и могу дать тебе отпущение грехов». И монах потащил меня в исповедальню и выпросил обо всём.

— И ты сказал ему всё? — бледнея, опросил Сервантес.

— Пришлось сказать всё, дон Мигель, — чуть не плача, ответил Габриэль.

— И имя? Ты называл ему и имена?

— Только ваше, дон Мигель, и то невзначай... Он ведь никому не расскажет, дон Мигель, ведь тайна исповеди...

— Что ты наделал, ах что ты наделал, Габриэль! — схватился за голову Сервантес. — А своё имя монах тебе назвал?

— Да, дон Мигель, он сказал, что его зовут Бланко де ла Пас.

Полумёртвый пришёл Мигель в тот день к доктору Созе.

— Может быть, ещё не всё потеряно, — сказал Соза, выслушав Мигеля. — Может быть, Бланко не пойдёт выдавать нас паше.

Они долго совещались в углу двора, а вечером Сервантес пошёл по всем тюрьмам с распоряжениями.

Вся масса пленников должна была думать, что ничего не изменилось. Отъезд не откладывался, и все приготовления велись по-старому. Но одного доверенного пленника в каждой тюрьме, начальника каждого маленького тюремного штаба, Сервантес посвятил в опасность, которой подвергался их заговор. Они должны быть готовы к тому, что в самую последнюю ночь перед отплытием по условному знаку отъезд будет отменён.

Весь тот день и следующий за ним Сервантес с трепетом ждал каких-либо распоряжений пашы: пыток, допросов...

Но паша был покоен. Может быть, он действительно ничего не знал?

Так началась игра в кошку и мышку.

Глава двадцать четвёртая

Игра в кошку и мышку

Прошло двенадцатое, четырнадцатое — паша не проявлял никакого беспокойства. Настал вечер четырнадцатого. Габриэль был вечером в порту, обошёл прилежавшие улицы.

— Всё спокойно, — сказал Габриэль Сервантесу. — В порту обычная охрана, в казармах спят, никаких приготовлений. Паша ничего не знает.

— Я пойду ночью ещё раз, Габриэль, — сказал Сервантес.

Когда город затих и успокоился на ночь, Мигель вышел на улицу.

Было черно и тихо. Резкая, как совиный крик, переключка стражи доносилась из верхнего города. Сервантес прошёл почти ощупью, в полной темноте, крытым переулком и, крадучись вдоль стен, начал пробираться к улице, ведущей в порт.

На повороте его едва не сбили с ног. Несколько теней бесшумно проскользнули мимо него и скрылись за углом. Сервантес притаился в углублении стены и замер.

Минуту спустя ещё несколько янычар, осторожно ступая, прошли мимо.

Через правильные промежутки времени так прошло мимо Сервантеса по узкому переулку Казбы пять или шесть партий солдат.

Сервантес не решился пойти в порт этим же переулком. Вспомнив, что есть ещё один, кружной ход, он неслышно отделился от стены и пошёл назад. Он прошёл по пустынной площади базара, мимо запертых лавок, к полуразрушенной каменной стене, через дыру в стене пробрался в ров и пополз по дну рва.

Ров упирался в глухую заднюю стену низкого полукруглого здания. Это был арсенал; фасад его выходил в порт. Здесь хранилось оружие.

Двери арсенала всегда были плотно закрыты, маленькие окна темны.

Сервантес встал, чтобы обойти здание сбоку и попасть в порт. Вдруг ему показалось, что внутри здания он слышит какое-то движение. Он дошёл до угла и осторожно выглянул.

Низкая дверца арсенала открывалась и закрывалась; в неё, согнувшись, осторожно входили люди по трое, по четверо.

За двадцать минут в дверь вошло на глазах у Сервантеса человек пятьдесят, не меньше.

Всё было ясно. Бланко предал пленников. Паша был предупреждён и готовил удар.

План паши был прост. Чтобы не спугнуть заговорщиков, он нарочно до сих пор не подавал вида, что знает что-либо, а ночью стягивал силы в порт. Здание арсенала находилось как раз возле места стоянки галеры Хирона. Паша хотел дать пленникам возможность собраться на судне и перед самым отплытием напасть на них. Тогда все главные зачинщики разом будут у него в руках.

Той же дорогой, через базар, Сервантес вернулся в город.

В ту ночь под стенами всех тюрем Алжира бодрствующие пленники слышали троекратный крик филина и ответили тихим условным свистом.

Отплытие галеры отменялось. Паша расправит когти, чтобы нанести удар, но опустит лапу на пустое место.

Обойдя все тюрьмы, Сервантес направился к своей собственной, но скоро замедлил шаги и остановился.

Когда паша узнает, что его план сорван, он прежде всего набросится на тех заговорщиков, чьи имена ему уже известны.

Он будет пытаться их, пока не узнает имён остальных.

Внезапная слабость, человеческая слабость и страх охватили Мигеля. Он сел на плиты мостовой у чьей-то стены. Он уже был раз на допросе у паши. У него не хватит сил пойти ещё раз.

Мигель так и провёл там ночь, на плитах, под стеной чужого дома. Утром встал и пошёл, сам не зная куда.

Он бродил так до полудня и сам не заметил, как забрёл в богатый западный квартал города, более тихий, чем другие.

Белые закрытые домики с обязательным кустом алоэ перед каждой дверью. Окон нет, только кое-где решётчатый глаз в белой накалённой стене. Окна глядят внутрь, на внутренний двор; там плеск воды, женские голоса, играющие дети.

Мигель вдруг остановился, вспомнив. В этом самом квартале живёт Онофрио Экзарх, один из тех двух богатых купцов, которые были посвящены в их заговор и снабжали деньгами Хирона.

Только сейчас Мигель почувствовал, как он устал и голоден.

Он пошёл к купцу. Тот мирно сидел на пороге своего дома и углём на камне подводил какие-то счета.

— Вы ещё ни о чём не слыхали, дон Онофрио? — остановился перед ним Сервантес.

— Нет, а что случилось? — всполошился купец.

— Паше донесли, и наш план сорвался, — сказал Сервантес. — Я ушёл из своей тюрьмы и не могу вернуться.

Сервантес шагнул ближе к купцу. Но тот уже встал и, пятясь, загораживал ему доступ внутрь.

— И ты пришёл сюда губить меня? — побелевшими губами едва выговорил купец. — Иди, иди отсюда скорей!

Сервантес ступил назад, не сразу понимая.

Он уже хотел повернуться и уйти, но купец, вбежав на минутку в дом, сейчас же вышел к нему с тяжёлым мешочком в руках.

— На, на, это тебе! — совал он мешочек в руку Мигеля. — Здесь деньги, много денег. Иди, внеси за себя двойной, тройной выкуп, садись на первый корабль и уезжай. Если ты останешься, тебя схватят и будут пытаться; ты выдашь и меня и Торреса, и тогда мы пропали. Иди скорей, может быть, братья-искупители²⁷ укроют тебя; с такими деньгами они тебя не прогонят...

— Нет, — сказал Сервантес. — Поздно. К монахам я не пойду. Они один раз уже продали меня.

— На, на, бери, — совал ему Экзарх в руки золото, не слушая ответа. — Поди к пиратам, к Мальтрапильо; он прогорел в эту весну и не дружит с пашой; он посадит тебя на своё судно и увезёт.

— Нет, — сказал Сервантес и покачал головой.

Полминуты спустя он уже шагал по крутой улице вверх, в другой квартал Алжира.

У него подгибались ноги и кружилась голова.

Он шёл в верхний город, в квартал ремесленников, лудильщиков, башмачников, портных.

Там был у него друг, Диего Кастельяно.

Диего прежде был пленником Дали-Мами. Он выкупился года за два перед тем, но

²⁷ Орден искупителей занимался выкупом христиан, попавших в плен.

не уехал в Испанию. Диего обжился здесь, в Алжире, женился на Айше, красавице-арабке, завёл башмачную мастерскую в мусульманском квартале и весело тачал сапоги, сидя перед дверьми своей лавчонки и напевая андалузские песенки вперемежку с арабскими.

Мигеля он понял с полуслова и, ни о чём не спрашивая, повёл его в свою мастерскую. Небольшая дверца из неё вела в тесную и совершенно тёмную кладовую. Только внизу, у самой земли, яркая солнечная полоса из отдушины в наружной стене ложилась на пол.

Здесь, в тёмной кладовой, среди острых запахов козлиных и воловьих шкур, Сервантес провёл больше недели. Наружная стена кладовой выходила непосредственно на улицу, и, лёжа на полу на груде шкур, у самой отдушины, Сервантес слушал голоса и шумы оживлённого арабского квартала.

На девятый день, днём, Сервантес услышал с улицы крик, от которого вся кровь отхлынула у него от сердца.

«Может быть, мне показалось?» — подумал Сервантес.

Голос затих, кричавший прошёл дальше. Но человек вернулся, и крик повторился.

— Слушайте, слушайте, слушайте! — выкрикал резкий и равнодушный голос алжирского глашатая. — Слушайте все! Сервантес, однорукий пленник паши, бежал из тюрьмы!.. Кто спрячет его, того паша накажет смертью!.. Кто доставит его паше, тот получит сто червонцев награды!.. Слушайте все!.. Сто червонцев награды!..

Диего тоже слышал. Он вошёл в кладовую.

— Это ничего не значит, — спокойно сказал Диего. — Лежи и молчи, тебя тут никто не найдёт.

— Нет, — сказал Сервантес, — ты можешь поплатиться, Диего. Я не заставлю тебя отвечать за чужое дело.

Через час он шагал уже вниз по улице, к базару. Диего дал ему старый плащ и широкополую шляпу вольноотпущенника.

Он шёл медленно и неуверенно поглядывал на встречных.

Солнце нестерпимо жгло ему то лоб, то спину.

Шелудивые бродячие собаки пили воду из канав и виляли ему хвостами.

Прокажённая без чадры²⁸ хрипела провалившимся ртом и стучала в трещотку.

Турецкий мальчишка бил сандалией седобородого еврея за то, что еврей не снял обуви, проходя мимо мечети.

Алжир жил своей жизнью, не думая о пленнике. На широкой каменной скамье у чьего-то склада Сервантес присел отдохнуть. Немного погодя на ту же скамью, спинами к нему, сели двое турок. Сервантес не видел их лиц, но хорошо слышал разговор.

— Много будет нам работы завтра, Али, ох, много работы! — сказал один.

— А почему? — лениво опросил другой.

— На завтра паша назначил допрос всех пленников из Львиной тюрьмы. Заговор открылся там, но главный зачинщик сбежал, и паша хочет вырвать у пленников имена остальных заговорщиков. Он будет допрашивать, пока не узнает. Если не узнает, будет казнить и вешать через десятого.

Сорвавшийся со скамейки камешек упал и покатился по плитам мостовой. Турки повернули головы. Сидевший к ним спиной человек в плаще поспешно встал и пошёл

²⁸ В Алжире в то время без чадры ходили только еврейки, негритянки и прокажённые.

по направлению к дворцу Гассана.

Глава двадцать пятая

Упрямый испанец

Паша сидел на низком троне, на ковровых подушках.

По диванам, рядом с ним, поджав ноги, сидели советники и приближённые.

Слуги, янычары и просто зрители толпились вокруг.

Недавно сколоченная виселица стояла неподалёку.

На этот раз паша открыл доступ всем в крытый двор своего дворца. Он хотел устроить праздник из этого допроса-поединка, в котором победить мог только он один.

Сервантес Сааведра, в рубище пленника, в цепях стоял перед ним.

— Ты сам, своей охотой, пришёл поговорить со мной, однорукий? — начал паша.

— Да, господин, — отвечал Сервантес.

— И готов отвечать на все мои вопросы?

— Готов, господин.

— Хорошо. Скажи: кто главные зачинщики заговора?

— Я один, господин.

— Ты один уговорил всех, добыл денег на постройку судна?

— Я один, господин.

— Однорукий, ты пришёл сюда смеяться надо мной?

Паша сделал знак, и слуга-негр перекинул через перекладину виселицы верёвку с петлёй на конце. Ахмет, телохранитель пашы, подскочил и набросил петлю на шею Сервантеса.

— Вот так ты будешь разговорчивее, — миролюбиво сказал паша. — Начнём сначала: ты один задумал и выполнил этот дьявольский заговор? Ты захотел лишить меня моих пленников, моих кораблей? Ты весь мой город хотел возмутить против меня? У тебя не было сообщников?

— Не было, господин.

— Натяните верёвку!

Негр потянул свой конец верёвки, и петля крепко сдавила горло Сервантеса.

— Ну, говори: кто был с тобою?

Сервантес отрицательно мотнул головой.

— Говори или через секунду ты будешь болтаться там, наверху!

Паша указал на перекладину. Сервантес молчал.

— Натяните крепче верёвку!

Петля стянулась туже и перехватила горло так, что кровь хлынула к глазам и вискам Мигеля. Он ступил шаг назад и качнулся, едва удержав равновесие. Ему казалось, что земля уже уходит у него из-под ног. Он ступил ещё один шаг и, расставив ноги, крепко упёрся ими в землю.

— Скажешь? — снова спросил паша.

Сервантес мотнул головой.

— Крепче верёвку...

Толпа дрогнула. Глаза пытаемого налились кровью.

— Сейчас заговорит! — крикнул Ахмет.

Сервантес, казалось, действительно хотел заговорить.

— Ослабьте ему верёвку! — заторопился паша. — Говори, однорукий!.. Я дам тебе всё, что попросишь. Говори, были у тебя сообщники?

— Да, были, — выдохнул Сервантес.

— Растяните ему петлю! Подойди ближе! Называй, кто? Говори, сколько?

Сервантес помолчал, шатаясь.

— Четверо, — сказал он.

Толпа замерла. Он заговорил!

— Луис де Гарсия... — начал Сервантес.

— Ещё, ещё!

— Томас Солано, Алонсо де Наварра, Рафаэль де Рапита.

Толпа зашумела.

Это были имена четырёх знатных и богатых пленников, которые ровно за три недели перед тем выкупились и благополучно уехали на испанском судне.

Паша потемнел от ярости.

— Натяните верёвку, — показал он рукой.

Петля опять впилась в шею, перехватывая дыхание.

— Больше ты ничего не скажешь?

— Нет.

Негр сильнее потянул конец верёвки.

— Ничего?

— Нет.

Негр едва не повис на верёвке.

— Больше ничего?

Сервантес молча показал рукой на закрытый рот, на стянутое горло и отрицательно покачал головой.

Верёвка стянулась туже вокруг шеи. Огненные круги завертелись в глазах Сервантеса.

Он молчал.

И тут паша смутился. Паше надо было сделать одно небольшое движение рукой, чтобы этот беспокойный испанец заболтал ногами в воздухе. Зашуми тут толпа, крикни враждебное слово или, наоборот, вступишь за Сервантеса, это решило бы вопрос. Но толпа молчала, сдержанно, грозно, и паша смутился. Он не понимал этого молчания.

Так прошло несколько секунд.

— Уведите его! — сказал, наконец, паша, отвернувшись. — Я не хочу больше ни слышать, ни знать о нём. Уведите его и бросьте в Змеиную яму.

Толпа расступилась, испуганно отшатываясь от лица того, кого вели через двор. Сервантес шёл, сторбившись, не видя ничего вокруг, глядя перед собой слепыми глазами. Всё своё мужество, всё упрямство кастильца, закалённое четырьмя годами плена, оставил он на этом допросе. Со двора паша, шатаясь, уходил сторбленный, жалкий пленник, дрожащий и слабый, как ребёнок.

Глава двадцать шестая

Змеинная яма

Тьма. Совершенная тьма. Ни полоски света, ни отражения, ни серого пятна. Тьма. Из стены слева проступает зловонная сырость, и ленивые капли скатываются по руке на пол. На полу у стены — лужа. Изредка по луже перебегают крысы, задевают руку. Ни света, ни человеческого голоса, ни звука.

Единственная отдушина в двери ведёт не на волю, а в такой же тёмный подземный

коридор. Иногда дверь приоткрывается, кто-то ставит ощупью кувшин с водой и кладёт две — три сухие лепёшки. Больше ничего.

От крепкого железного кольца на шее толстая цепь протянута к ноге — нельзя вытянуться, нельзя встать, можно только привстать.

Мера времени утрачена. На воле время меряется солнцем, часами сна и часами работы. Здесь его нечем мерить, и оно непонятно. Иногда оно летит, как минуты, иногда тянется, как годы.

Через какой-то очень длинный промежуток времени — история знает, что через пять с лишним месяцев, — рука сторожа, просунувшись в дверь, оставила на полу, кроме воды и лепёшек, медный светильник, связку бумаги, чернила и несколько гусиных перьев.

Кто сжалился над пленником и умолил или подкупил сторожа, так и осталось неизвестным.

С этого дня оцепенение прошло. Сервантес писал, писал лихорадочно, едва оставляя работу, чтобы заснуть, а проснувшись, снова брался за перо.

Он писал об Алжире, о пленниках и маврах, об ужасах рабства, о насилии, о жестокости, обо всём, что он видел за эти годы плена.

К Сервантесу вернулось время — теперь у него были часы работы и часы сна.

Исчезла пустота, тьма вокруг наполнилась образами, которые он сам создавал. Они населили его одиночество.

— Стерегите крепче этого калеку-испанца! — сказал паша своим янычарам, вспомнив как-то о Сервантесе. — Только пока он за тремя замками, я могу быть спокоен за мои корабли, моих пленников и за весь мой город!

И Сервантеса хорошо стерегли.

Он и сам забыл о своих планах, забыл о бегстве. Он не слышал, как приоткрывалась его дверь, как два раза в сутки, звякнув оружием, наверху сменялась стража.

Пленники томились в своих тюрьмах, выкупались, умирали. О «герое пещеры» начали забывать.

Но несколько человек, дома, на полуострове, помнили о Мигеле Сервантесе.

Старый дон Родриго не мог успокоиться, пока его младший сын, Мигель, оставался в алжирском плену.

Он переселился с семьёй в Мадрид, жил нищенским заработком и хлопотал об освобождении сына.

Дон Родриго так осмелел, что подал прошение на королевское имя и приложил к нему официальный опрос свидетелей, подтверждающих подвиги Мигеля в боях и его героическое поведение в плену.

Старик умер, не дождавшись от короля ответа на своё прошение.

Жена и дочери остались жить в Мадриде. Старшая, Луиса, не вынесла трудностей жизни в миру. Она поступила в монастырь, чтобы замаливать грехи и просить бога о возвращении брата.

Но Андреа предпочла другое. Она осталась жить в миру и вместе с матерью мужественно боролась и работала, чтобы скопить денег на выкуп Мигеля.

Они шили камзолы богатым господам и откладывали жалкие мараведи.²⁹ Когда не было работы, старая донья Леонора выходила на улицу и протягивала руку за

²⁹ Мараведи — мелкая монета.

милостыней.

Денег было ещё так мало и до полной суммы выкупа так далеко!

Королевский ответ на прошение доня Родриго пришёл, когда его давно уже перестали ждать.

Король милостиво предоставлял семье Сервантеса право воспользоваться для выкупа сына из плена всей суммой прибыли, которая получится от продажи партии товаров, отвезённых одной валенсийской баркой в алжирский порт.

Сколько в действительности выручили за этот товар купцы, так и осталось неизвестным, но донье Леоноре они вручили всего шестьдесят дукатов.

У неё самой к этому времени было отложено триста.

Она решила попытаться послать их в Алжир.

Небольшая галера отплывала как раз в это время, весной 1580 года, к берегам Африки. На ней ехала группа монахов ордена искупителей, который занимался выкупом пленных из чужих стран.

Ехал на галере и один беспокойный хромым монах, Хуан Гиль. Хуан рассорился с двумя настоятелями монастырей, сам убежал из третьего и теперь ехал в Алжир, чтобы помочь делу выкупа испанцев из плена.

«Там можно будет, — думал Хуан, — делать настоящее дело помощи людям».

Ему-то и вручила Андреа триста шестьдесят дукатов, с таким трудом отвоёванных у нищеты и у королевской скупости.

Хуан обещал девушке, что он сделает всё, чтобы выкупить её брата из плена.

То, что Хуан увидел уже на алжирской пристани, сильно потрясло его.

Едва братья-искупители вышли на берег, сотни пленных, работавших в порту, сбежались и обступили их. Они умоляли, хватали их за платье, целовали руки, становились на колени и не пускали дальше. Каждый просил выкупить его.

Это были те пленники, у которых не было надежды на присылку денег от родных. Но глава ордена, отец Оливар, поднял руку и сказал:

— Братья мои, прежде всего мы позаботимся о выкупе тех, кто отличается от других пленников знатностью происхождения и чистотой крови. А вы, братья, возвращайтесь к своим трудам и уповайте на бога!

«Нет, это не годится», — подумал Хуан Гиль.

Он решил сам заняться своим пленником.

Сначала он потолкался на базаре, навёл справки, расспросил о паше, о пленнике Сервантесе. Хуан узнал не много.

О паше говорить боялись, а о Мигеле Сервантесе уже немногие помнили.

Только один старый араб на базаре рассказал Хуану, что Сервантес, однорукий пленник, сидит в Змеиной яме уже больше полугода, что паша жесток и что срок его правления, слава аллаху, скоро кончается.

Хуан Гиль пошёл прямо к паше и предложил ему триста шестьдесят червонцев за Мигеля.

— Тысячу! — сказал паша. — Тысячу червонцев, ни аспры меньше.

— Зачем он тебе, Гассан-Ага? — сказал Хуан. — Он болен и бессилён. Твой срок кончается, ты скоро уедешь, не возьмёшь же ты его с собою?

— Ты подал мне счастливую мысль, — сказал паша. — Я возьму однорукого с собою в Стамбул.

Хуан смутился. Если паша увезёт Сервантеса в Константинополь, выкуп сделается почти невозможным.

«Он требует тысячу, — сжал зубы Хуан. — Хорошо, я достану ему тысячу».

И он пошёл по всем купцам и богатым людям Алжира и просто по базарам — собирать деньги для выкупа Сервантеса.

Сервантес сидел в своём подземелье и не знал ни о чём.

На десятый, а может быть двенадцатый, месяц его заточения дверь мазморры растворилась шире обычного, и гнусавый голос Юсуфа сказал:

— Выходи!

Сервантес не мог подняться. Его вывели. Он осматривался и не понимал. Его ослепил дневной свет, от вольного воздуха закружилась голова и подогнулись ноги.

— Иди, — толкнули его и повели.

Он смотрел вокруг, не понимая. Его вели крытым переулком Бетеки, потом мимо мечети налево, по каменным ступенькам, кривым горным переулком вниз...

«Да это же дорога в порт», — смутно сообразил Сервантес.

Но куда и зачем его ведут, он не знал.

Глава двадцать седьмая

Свобода

В порту былолюдно. Толпа готовилась провожать пашу. Паша, наконец, уезжал, сделав полгорода нищим, разорив страну, обезлюдив окрестные селения. Срок его правления кончился.

В одном из закоулков порта двое монахов мрачно переговаривались, прислонившись спинами к наглухо запертой двери чьей-то лавки.

— Кто поверит, отец Бланко, что этот самый паша был венецианским мальчишкой на рыбном рынке? — вздыхал румяный монах.

Второй, бледный, молчал, пожёвывая губы.

— Каких он почестей добился, каких богатств! — продолжал первый. — Галеры, полные товаров, золото, дворцы, невольники!

Второй молчал, словно заснул.

— Прогадали мы с тобой, Бланко. Простыми монахами остались.

Бланко промычал что-то непонятное.

— Да и ты, отец Бланко, много ли выиграл здесь, в Алжире? Что ты получил за то, что предал этого безрукого пленника, Сервантеса? Кувшин с оливковым маслом да один червонец золотом?

Бланко замычал громче.

— Не догадались мы с тобой, Бланко, сразу же, как попали сюда, перейти в мусульманскую веру. Ездили бы мы сейчас на конях с белыми попонами, как этот проныра-венецианец.

Бланко горестно вздохнул.

— Гляди, гляди! — вдруг прервал себя румяный. — Вот он идёт, тот самый Сервантес. Гляди, его ведут на галеру самого Гассана! Паша берёт его с собой! Не вернуться ему больше на родину. А вот и сам паша, погляди!..

У Сервантеса всё ещё кружилась голова от непривычки к воздуху. Он тупо дал снять с себя одну цепь и надеть другую, конец которой был крепко вделан в дерево скамейки.

«Это галера паши», — сообразил Сервантес, разглядев знамёна разукрашенной галеры. Значит, его увозят в Стамбул... В Стамбул не ходят испанские корабли, из Стамбула никогда не возвращаются пленники. Стамбул — это рабство до конца дней.

Он так же тупо смотрел на берег и видел, как силигдары, телохранители паша, оттесняют толпу; янычары, подняв копья, склоняют колени... На белом арабском коне, на вышитых золотом подушках паша медленно плывёт через толпу и милостиво отвечает на приветствия.

Потом Сервантес увидел, как, тесня других, хромо́й монах пробрался к самому паше и пошёл вровень с его конём. Паша, не останавливаясь, замедлил ход и чуть-чуть повернул голову к монаху. Монах убеждал в чём-то пашу и протягивал ему туго набитую сумку. Паша отрицательно мотнул головой и опять ускорил ход коня. Но монах не отставал от него; он, прихрамывая, шёл у самого стремени, что-то ещё кричал паше и протянул ему плотную вчетверо сложенную бумагу.

— Обязательство, — слышали ближайшие в толпе, — обязательство всю недостающую сумму в годовой срок выплатить в полноценном испанском золоте!

Паша развернул бумагу, улыбнулся и закивал головой. Он взял сумку из рук монаха и сделал знак силигдару. Силигдар подъехал к самой галере и что-то крикнул надсмотрщику. Надсмотрщик схватил ключ, разомкнул кольцо на ноге Сервантеса, и цепь упала. Сервантес был свободен.

Глава двадцать восьмая

Родина

Двор на время переехал в Бадахос, и в Мадриде было тихо.

На окраинной улице, в бедном доме на берегу грязного Мансанареса, Мигель Сервантес нашёл свою семью. Раньше времени поседевшая, трясущаяся мать вышла к нему навстречу. Андреа показала Мигелю руки, покрытые ранами, — она стирала бельё в доме у сеньора Альвареса, чтобы не умереть с голоду.

Отец давно умер. Луиса ушла в монастырь.

— Где Родриго? — спросил Мигель.

— Родриго ушёл с войсками Фигероя в Португалию.

Мигель ходил по городу. В Мадриде было тихо. Идальго, не уехавшие с двором, бродили по улицам. Идальго так же легко хватались за шпаги, как когда-то, в дни юности Мигеля, и так же охотно клялись пречистой девой и сердцем Иисуса. Но живой дух давно отлетел от старой Испании. У людей были растерянные лица — идальго не было места в своей собственной стране.

— Что делает наш добрый король Филипп? — спросил Сервантес.

— Наш добрый король Филипп строит Эскориал, — ответили ему.

Девятнадцатый год Филипп строил Эскориал.

Среди чёрных Гвадаррамских гор, на голом, открытом ветрам каменном плато, из одинаковых тёмно-серых гранитных глыб выкладывался огромный прямоугольник и вписанный в него круг — дворец и внутренняя церковь Филиппа. Филипп строил резиденцию для себя и огромную усыпальницу для королей Габсбургской династии.

Два лучших архитектора Испании чертили планы. Итальянские художники расписывали стены. Золото, мрамор, бронза и порфир из всех двадцати подвластных Филиппу стран стекались сюда, в резиденцию монарха.

Филипп отвергал проекты архитекторов и сам чертил планы. Свою резиденцию он строил в форме гробницы, — по образцу надгробной плиты святого Лоренцо, — гробницы больше ста метров высоты, с тысяча сто одним окном по линии фасада.

Любыми средствами добывая деньги, Филипп закабалил всю страну. Крестьяне бежали от налогов в города. Крестьянские поля не обрабатывались и пустели. На

кострах инквизиции трещали кости мятежных горожан. Шайки голодных людей слонялись по большим дорогам.

Такой нашёл свою Испанию Мигель Сервантес, когда вернулся домой из алжирского плена.

Надо было искать заработок. Сервантесу нечем было жить.

Левая рука у него давно бездействовала, зато правая ещё могла держать и кортик и шпагу. Родина не приготовила Сервантесу ни места, ни хлеба. Оставалось одно: солдатская служба. Мигель снова надел кожаную безрукавку солдата и плечом к плечу с братом Родриго проделал весь португальский поход.

Он был в Лиссабоне, принял участие в экспедиции на Азорские острова; по пояс в воде, рядом с Родриго, шёл морем на штурм Азорской крепости.

Родриго Сервантес на этот раз получил повышение: он вернулся из похода в чине альфереса.

Мигель привёз домой две новые колотые раны, одну огнестрельную и двести реалов, скоплённых из солдатского жалованья.

В тридцати километрах от Мадрида, в одном дне пути, есть маленький, тихий городок Эскивиас — город оливок и винных погребов. Здесь поселился Мигель Сервантес, увечный воин короля Филиппа. Он повесил на стену, на медный гвоздик, свой старый солдатский меч и шпагу рядом. Он разложил листки своей «Филены». Настала пора сменить меч на перо.

Глава двадцать девятая «Знатная турчанка»

В мадридском театре ставилась новая комедия «Знатная турчанка». Это была история испанской девушки, Каталины Овиедо, попавшей в плен к туркам. Публика с волнением следила за ходом действия. История была подлинная. В зале среди зрителей были люди, лично знавшие родителей девушки. Каталину захватили в плен маленькой девочкой при переезде по морю из Малаги в Оран. Пират Морато продал её в Тетуан богатому мавру. Десяти лет отроду Каталина была уже замечательной красавицей. Её заперли в гарем к самому константинопольскому султану. Сторож, христианин Рустан, долго скрывал Каталину от глаз султана. Рустана предали. Каталина стала женой султана, знатной турчанкой. Но тайно она осталась верна своей стране и спасла многих несчастных испанцев, пленников султана.

На сцене — царедворцы, евнухи, пленные испанцы. Вот выходит Мадригал, шут. Буря аплодисментов встречает Мадригала. Он в камзоле идальго и в шароварах янычара, в белой чалме и со шпагой у пояса — смесь испанского с турецким, пленный христианин и дерзкий шут. Мадригал разговаривает с кади, турецким судьёй.

Кади требует, чтобы Мадригал стал мавром и женился на мавританке. Он грозит шуту казнь.

— Говори, на что ты решился, собака? — спрашивает кади. — Жениться или умереть?

— Не знаю, какая смерть лучше, — отвечает шут. — Жениться и сделаться мавром — это две смерти сразу. Но я не боюсь, мой добрый господин. На этот раз я не умру.

— Кто тебе сказал?

— Я слышал, как птицы между собой говорили.

— Птицы? Разве ты понимаешь разговор птиц?

— Конечно, мой господин. Если хотите, я могу вам рассказать, что они говорят о

вашей справедливости.

Кади смущён. Мадригал ищет отсрочки. Он берётся за несколько лет выучить слона турецкому языку. Новая сцена. Кади спрашивает, как идут занятия.

— Прекрасно! — говорит Мадригал. — Я уже дал моему слону четыре урока.

— На каком языке?

— На бискайском.

— На бискайском? Мне этот язык кажется странным.

— Если так, господин, пускай мой слон сам выбирает из трёх языков, какие я знаю.

— Какие же ты знаешь?

— Бергамосской Италии, гасконской Галлии, жаргон слепых калек и язык древних греков... — бойко отвечает Мадригал.

Гром аплодисментов.

Шут кланяется.

Пёстрая толпа набилась в деревянный театр. Мадригал хорош!.. Цветы, грецкие орехи, апельсины летят на сцену.

— Bravo, Сервантес, bravo!..

Это вызывают автора. Автор стоит с края, у первого ряда.

— Bravo, Сервантес! Комедия хороша!..

Автор кланяется. На него смотрят все. Это Сервантес, писатель-воин, отставной солдат. В правой руке у него листки рукописи, левая на чёрной повязке. Говорят, что он сам побывал в плену у проклятых турок... Говорят, он сочинял свою комедию, когда сидел в подземелье у паши!..

Шумная толпа теснится в театре. Громко хлопают на задних скамейках. Там сидят бойцы, мушкетёры, старые товарищи по походам.

— Bravo, дон Мигель, bravo! Молодчина, Сервантес!..

Сервантес кланяется и машет рукой. Грубая похвала воинов ему дороже всего.

Рядом с ним жена, молодая и робкая донья Каталина. Сервантес привёз её из Эскивиаса. Каталина первая слушала его стихи. Ей он читал свою «Галатею».

Да, Сервантес начал со стихов. Он собрал всё, что осталось из листков его «Филены», на три четверти утерянных в походах. Имя он изменил. Пастух Элисио с зелёных берегов Тахо полюбил прекрасную Галатею, рождённую на тех же берегах... Участник боя под Лепанто, пленник Гассан-Аги, воин, прошедший кровавую бойню португальского похода, Сервантес начинал с пасторали. Так начинали все. От поэта ждали пастушеской поэмы.

«Галатея» не удалась. «Стихи посредственны! — объявили критики. — У автора больше опыта в несчастьях, чем в стихах!.. Его цитаты из древних — сомнительны!..»

Первые стихи не принесли Сервантесу ни денег, ни славы. Второй части «Галатеи» он так и не написал.

Сервантес хотел писать о том, что видел: о морских боях, о походах, о лишениях и героизме, о грязи и зное тюрем, о пленниках и маврах. Он написал комедию о султанских пленниках «Знатная турчанка», и комедию поставили в театре.

Комедия шла под шумное одобрение публики. За «Турчанкой» пошла «Нуманция», потом «Алжирские нравы». Сервантес стал признанным автором комедий. Меньше чем за год он написал восемь пьес.

Так продолжалось недолго. «Чудо природы», великий Лопе де Вега, скоро овладел царством комедии. Никто не мог соперничать с Лопе де Вегой: каждые три дня у него была готова новая пьеса. В комедиях де Веги молодые кабальеро пели серенады под

окнами красавиц, в темноте сшибались шпаги, декламировались звучные стихи. Зрители хотели смотреть Лопе де Вегу, только Лопе де Вегу. Ни для кого другого не оставалось места. Сервантес принёс новую комедию — её не приняли. Владелец театра больше не звал его к себе.

Так кончился литературный заработок. Сервантес взял первое казённое место, какое ему согласились дать, и поехал на юг Испании поставщиком провианта для королевского флота.

Семья Сервантеса поселилась в Севилье, а он сам объезжал окрестные городки и села, закупая зерновой хлеб и оливковое масло.

Сервантес плохо умел вести счета — он часто терял свои счётные книжки или заполнял их вместо цифр стихами. Несколько раз пришлось ему, сдавая отчёт, покрыть недостающие суммы из собственных средств. А платили ему за работу мало — двенадцать реалов в день.

Каталина пришла на помощь мужу. Она начала брать работу у богатых сеньоров. Каталина умела скроить щегольскую ропилью — куртку с откидными рукавами, епанчу с разрезами на алой подкладке, вышить золотом нарядную ливрею. Но и Каталине платили гроши.

В восемьдесят восьмом году флот короля Филиппа — Непобедимую Армаду — разгромили адмиралы Елизаветы английской, и Сервантес остался без места и без надежды на заработок.

Из Сан-Лукара, из Палоса, из всех портов Испании каждый день уходили суда, полные переселенцев. Испанцы, доведённые до отчаяния и нищеты, уезжали в Новый Свет. Америка — рай для авантюристов, спасение для бедняков, пристанище для потерявших надежду, — Южная Америка привлекала людей. В Новый Свет стремились все, кто ещё имел силы куда-либо стремиться.

Сервантес решил уехать в Америку. Он написал прошение его величеству королю Филиппу.

Окна королевского кабинета глядели на голые Гвадаррамские горы, но к этим окнам Филипп редко подходил. Он больше любил смотреть на внутреннее окно в своей спальне, которое открывало вид на алтарь его дворцовой церкви.

Король больше лежал, чем сидел, последние годы. Из колена у него постоянно сочился гной, вся голень была в незаживающих ранах. Черви шевелились в простынях короля, от постели исходило нестерпимое зловоние. Король лежал, перебирал чётки и смотрел в окно на золотой алтарь своей эскориальской церкви.

Вставал он теперь только для занятий со своим секретарём. Король-канцелярист, он шесть часов ежедневно посвящал подробному разбору писем и прошений. Жечь свои бумаги он начал позднее, уже перед самой смертью.

Сегодня секретарь де Сайас долго сидел в кабинете. Секретарь отобрал несколько менее важных бумаг, чтобы отложить их на завтра.

— Читайте всё, — сказал Филипп.

— Здесь прошение вашему величеству от отставного солдата Сервантеса, — сказал де Сайас, взяв верхнюю бумагу из отложенной стопки.

— Сервантес? — пожевал губами Филипп. — Не помню такого.

— Перечисляет свои заслуги, — просматривал прошение секретарь. — Служил у дона Хуана, у маркиза де ла Круса, у Фигероа... Пять лет провёл в алжирском плену.

— Чего он просит? — вяло спросил Филипп.

— Разрешения на выезд в Новый Свет и какого-нибудь места в Гватемале или в

Перу.

— Уж не хочет ли этот неизвестный солдат, чтобы ваше величество назначили его губернатором какого-нибудь новооткрытого острова? — язвительно спросил герцог де Лерма, фаворит короля.

Слабая улыбка шевельнула бледные губы Филиппа.

— Отказать! — сказал Филипп.

Король не знал, что в эту минуту он оказывал своей стране огромную услугу. Не давая разрешения Сервантесу на отъезд в Америку, Филипп сохранял для Испании «Дон-Кихота».

— Отказать! — сказал Филипп. — Впрочем, нет, дайте мне бумагу.

И он собственной рукой начертал на прошении: «Поискать, в чём бы и здесь, на родине, оказать просителю милость».

И Сервантесу «оказали милость»: его назначили сборщиком податей в южных провинциях.

Глава тридцатая

Герой Лепанто

В деревню Рохас приехал новый сборщик налогов, немолодой и тощий, с подвязанной левой рукой, на старом муле, таком же тощем, как он сам. Сборщик остановился у Педро Гутьерреса, на постоялом дворе. Сборщик назвал себя Мигелем Сервантесом, отставным солдатом.

Старому Педро не понравился гость. Этот Сервантес занимался тем, чем ни один сборщик налогов в мире не занимается. Он носил с собой книжку, и не с записями доходов, а со стихами. Он не просил хозяина получше накормить своего тощего мула, зато охотно выслушал двух бездельников, которые пришли к нему жаловаться на бедность, и сразу согласился дать им скидку с налога. А с него, с Гутьерреса, спросил полностью весь налог и без отсрочки!

Всю ночь Гутьеррес не уснул с досады. А сборщик, не спросив перины, улёгся на жёсткой койке и так проспал всю ночь, как солдат в походе.

А сейчас уселся в нижнем зале и рассказывает чудеса о своих подвигах в африканском походе. Все в доме побросали работу, у кухарки пережарилось жаркое, сама старая Констанса Гутьеррес слушает и плачет, закрыв лицо передником.

Недовольный Педро пошёл на скотный двор. Поросята перевернули кормушку и залезли в огород, на луковые гряды. Где же этот дьяволёнок Хуанито? Вот он сидит под деревом. Кажется, уснул, бездельник!

Педро Гутьеррес взял хворостину и подкрался к дереву. Нет, Хуан не спал. Хворостина замерла в поднятой руке хозяина: мальчишка читал.

— Лентяй! Ты читаешь книжки, вместо того чтобы смотреть за свиньями!

Старая, истрёпанная книга отлетела далеко за дерево — хозяин опустил хворостину на плечи мальчика.

— Простите, сеньор!.. Ай-ай, простите!.. Больше не буду, сеньор!..

— На, получай, книжник!.. Вот тебе!

— Что такое, дон Педро? За что вы бьёте мальчишку?

Опять этот проклятый сборщик! Сидел бы лучше с бабами, чем мешаться не в свои дела.

— Он читает книги! — мрачно сказал дон Педро.

— Книги? — Сервантес поднял книжку с земли. — Что у тебя за книга, Хуанито?

Хуан уже вытер слёзы.

— Интересная книжка! — сказал мальчик. — Про рыцарей!.. — Глаза у Хуана заблестели.

Мигель вертел книжку в руках. Что-то давнее и знакомое напомнила ему эта книга. Переплёта не было, не хватало и первых страничек... Но имена... да, Ориана! И Бель-Тенеброс, Красавец Тьмы... Это он, конечно, Рыцарь Льва, старый знакомый, Амадис Галльский!..

— Пускай плывёт в ад душа того, кто читает эти книги! — сказал дон Педро и плюнул.

Мигель всё ещё вертел в руках пожелтевшую измятую книгу.

— Вы правы, дон Педро! — сказал Мигель. — Я сам слишком много читал в юности о странствующих рыцарях. Быть может, оттого я сейчас так несчастлив.

Мигель бережно положил книгу под дерево.

— Сеньор! — Мигель отошёл, и мальчик побежал за ним. — Сеньор, подождите минутку!

— Что тебе, Хуанито?

— Скажите, сеньор, — смелее крикнул мальчик, — вы и есть тот самый полупомешанный сборщик, который ездит по деревням и вступается за бедняков?

— Да, это я и есть. — Мигель невесело улыбнулся.

— Сеньор! — сказал мальчик. — Вступитесь, пожалуйста, за меня! Мой хозяин бьёт меня до полусмерти и не платит мне за работу. Вот уже два месяца я не получаю ни бланки.

— Вот как! Хорошо, я заставлю его заплатить! — сказал Мигель.

Он пошёл к хозяину.

— Вы колотите своего слугу, дон Педро, — сказал Мигель, — и не платите ему за честный труд? Так добрые хозяева не поступают, дон Педро. Извольте сейчас же заплатить ему за работу!

— Хорошо, заплачу. Заплачу сегодня же! — зловеще сказал Педро. — Идите по своим делам, ваша милость.

До полудня ходил Сервантес по дворам, собирая деньги. Потом вернулся на постоянный двор.

Ещё у ворот он услышал стоны Хуана. Мальчик лежал в углу двора, весь синий от побоев, и смотрел на Сервантеса подбитым глазом.

— Лучше бы вы не заступались за меня, сеньор! — сказал мальчик. — Едва вы ушли, хозяин избил меня, как никогда ещё раньше не бивал. «Вот тебе, получай свой долг сполна!» — кричал он и хлестал меня до тех пор, пока у самого не устала рука. Ох, лучше бы вы не мешались в это дело, сеньор!

Побледнев от ярости, Мигель прошёл прямо в дом к хозяину.

Педро Гутьеррес сидел со всей семьёй за столом, вокруг миски с горячим бараньим супом.

— Вы избили мальчишку, дон Педро? — подступил к нему Сервантес.

Педро Гутьеррес положил ложку.

— Пускай плывёт в ад душа того, кто вздумает вмешиваться в мои дела, — сказал Педро. — Да, я избил бездельника и ещё избью, если он того заслужит.

— Я вам не позволю! Вы ответите за это! — крикнул Сервантес.

— Пускай ваша милость идёт к чёрту! — озлился Педро. — Не мешайтесь не в свои дела.

Он замахнулся на Сервантеса суповой ложкой.

— Как вы смеете? — Сервантес схватился за пояс слева... И медленно опустил руку.

Смех раздался за его спиной.

— Он хватается за меч, смотрите! — хохотала толстая старуха Гутьеррес, прикрыв рот передником.

— Он воображает себя в бою под Лепанто!

Обе дочки Педро громко смеялись. Какой он смешной, этот полупомешанный сборщик!

— Вы, как тот рыцарь в книге, которую вы сами не похвалили, ваша милость, — сказала старшая дочка. — Зачем вы берёте на себя заботу о чужих делах?

Сервантес опустил голову и побрёл из дома Педро.

Да, он забыл, что он давно уже не солдат, что его старый солдатский меч уже не болтается у него на боку, а висит, ржавея, на стене в его комнатке в Севилье.

Мигель неохотно ходил по дворам остаток дня, неохотно собирал деньги и выслушивал жалобы. В пятом часу он выехал из деревни. Она была последней на его пути: он возвращался в Севилью.

Холодный ветер дул ему прямо в лицо. Злая зима стояла в Андалузии. Голая равнина была мертва, деревья обнажены и унылы.

Они смеялись над ним! Сервантес теснее закутался в плащ. Он был им смешон, старый лепантский солдат! Его рассказы о подвигах в плену они принимали за басни.

Да, злая зима стояла в Андалузии и пригибала к земле голые заросли виноградных лоз. Летом они гнулись от прозрачных зелёно-золотых гроздьев, а теперь голы и сухи.

Седьмой уже год он ездит, скитаясь из села в село... Как много он видел за эти семь лет! Голый камень крестьянских домов, дворы, устланные соломой, нищие крестьяне, пастухи, тощие мулы, гостиницы, постоялые дворы, богачи, монахи... Как трудно собирать с крестьян деньги, спорить с чиновниками, отстаивать бедняков! Как трудно давать отчёт, подбирать бумаги! Король так жаден и нетерпелив, и королевские казначеи не любят ждать.

Сервантес ещё ниже согнулся на своём муле, под резким ветром. Этот год всё же лучше других: за первую половину всю нужную сумму удалось собрать в срок. Знакомый купец, Ферейре де Лима, взялся свезти деньги в Мадрид. Только бы Ферейре внёс их вовремя в казну!

Голубые и белые дома Севильи уже виднелись вдали. Сервантес проехал Трианой, грязным цыганским предместьем, въехал на крутой мостик. Девочка-цыганка стояла на мосту. В воде Мигель видел отражение своё и мула; ноги у мула вытягивались; искажённые речной зыбью, они казались непомерно длинными, шея изогнулась; мул походил в отражении на сказочного коня из рыцарской повести. И сам Мигель казался непомерно длинным, как рыцарь в вооружении, и кожаная сума сборщика походила на щит. Рыцарь печального образа отразился в воде. Цыганка смотрела на них. Она улыбалась. Даже эта девочка смеётся над ним! Мигель дёрнул за поводья. Мул съехал с моста и затрусил по белой севильской улице.

Когда Сервантес вошёл к себе в дом, было уже почти темно. Дверь была не прикрыта. В слабом свете Мигель увидел, что кантарела, углубление в очаге, куда Каталина ставила свой кувшин с водой, пуста, а кувшин валяется на краю очага.

Сервантес прошёл в комнату. Разбросанные рукописи, сдвинутая мебель. Убогая кровать на колёсах резко отодвинута от стены, и даже половицы кое-где приподняты в

беспорядочной суматохе обыска.

Из крайней комнаты вышла бледная Каталина.

Случилось самое худшее, чего он мог бояться.

Купец Ферейре де Лима неожиданно обанкротился, не внёс в казну посланных с ним денег, и всю сумму — семь с половиной тысяч реалов — теперь требовали с Сервантеса. Предстоял судебный процесс, допросы, вызовы к коррехидору, в ауденцию — вся бесконечная волокита испанского суда.

Глава тридцать первая

«Дон-Кихот»

Родина нашла убежище для Сервантеса, такое же верное, как подземелье паши в Алжире.

В маленьком городке Ламанчи, в Аргамасилье, в крайней камере белой одноэтажной городской тюрьмы, за решётчатым окном надолго поселился бедный, никому не известный узник.

Жители Аргамасильи ничего не слышали о нём. Они не знали, что этот узник сделает известным всему свету имя их ничем не примечательной страны Ламанчи.

Узник не просил у тюремщика ни чётков для молитвы, ни табаку. Он не вступал в разговоры, не беспокоил попытками бегства.

Узник просил только бумаги и перьев. С утра до вечера он сидел и писал.

— Кто сидит у тебя в крайней камере, Басилио? — иногда спрашивали у тюремщика.

— Мигель Сервантес, отставной солдат. В молодости, говорят, был поэтом. Всё сидит и пишет, должно быть, стихи.

Сервантес писал не стихи. Время для стихов прошло. Сервантес писал о полоумном идальго, который ошибся веком.

Бедный идальго начитался книг, историй, редкостных и необыкновенных, полных неожиданностей и удивительных приключений. Он поверил в заколдованные замки и в чудовищ, в честь паладина и в верность оруженосца. Он назвался рыцарем и в Испанию короля Филиппа выехал биться за право и справедливость.

Удивительные вещи происходили с рыцарем.

Он сшибал головы волшебникам в заколдованном замке, а хозяин постоялого двора требовал с него денег за пролитое вино и продырявленные бурдюки.

Он освобождал каторжников, идущих на галеры, а каторжники благодарили его пинками и проклятиями.

Он скитался, как Амадис, в скалистой пустыне и сочинял стихи во славу своей дамы, Дульцинеи Тобосской, а Дульцинея рвала на клочки его витиеватые, возвышенные письма.

Рыцарь кидался в самые отчаянные битвы, пускался без страха в самые невероятные приключения и в ожидании славы и человеческого признания ночевал, избитый и голодный, весь в синяках, на чердаке, на лошадиной попоне.

Его избивали купцы и странствующие комедианты, ему продавливали рёбра и выбивали зубы, но странствующий рыцарь ни за что не хотел расстаться со своим рыцарством и с правом на приключения.

Избитый и окровавленный, в пыли, без коренных зубов, потеряв Россинанта, он лежал на земле и беседовал с верным оруженосцем.

Голос рыцаря печального образа звучал в темнице Сервантеса:

— И ещё скажу тебе, Санчо, душа моя болит оттого, что я избрал себе профессию странствующего рыцаря в столь отвратительный век, как тот, в котором мы живём.

— Вы правы, ваша милость, но, клянусь честью бедного человека, мне сейчас больше нужны припарки, чем разговоры...

И Санчо вздыхал, потому что оруженосцы странствующих рыцарей подвержены «великому голоду и злключениям и ещё многим другим вещам, которые лучше чувствуются, чем говорятся».

Они ехали дальше. Рыцаря подвешивали на уздечке к слуховому окну, а его оруженосца подбрасывали на одеяле и тузили кулаками, и бедный Санчо Панса всё никак не мог добраться до острова, губернатором которого рыцарь обещал его сделать.

— Неужели ты не знаешь, друг Санчо, что жизнь странствующего рыцаря подвержена тысяче опасностей и невзгод?

— Пускай мёртвый ложится в могилу, ваша милость, а живой берётся за хлеб.

Сервантес вскакивал, шагал от стены к стене, снова садился и писал, писал.

Сервантес больше не был одинок. Он отвечал. Он не соглашался.

Осенью 1604 года в испанский город Вальядолид въехал недавно выпущенный из тюрьмы бедно одетый путник, в потёртом камзоле с неодинаковыми пуговицами, в рваных зелёных чулках, зашитых чёрными нитками. Он вёз с собой толстую рукопись в полотняном мешке.

Путник был стар. Седина выбелила его волосы, глубокие морщины залегли вокруг глаз. Он перенёс изгнание, плен, изнурительные походы, нищету. Ему было пятьдесят семь лет. Необыкновенные приключения его жизни близились к концу. Но на смену им шли другие.

Сервантес вёз с собой повесть о герое, «худом, иссохшем, причудливом и полном разнообразных мыслей, никогда и никому ещё не приходивших в голову». Он вёз с собой «Дон-Кихота».